

КОНСТАНТИН КЛУГЕ

КОММУНИЗМ
ХРИСТА

«ИСКУССТВО»

КОНСТАНТИН КЛУГЕ
**КОММУНИЗМ
ХРИСТА**

«ИСКУССТВО»
1992

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Автор этой книги, Константин Константинович Клуге — не историк религии и не философ. Он талантливый русский художник старшего поколения, проживший почти всю свою долгую жизнь за рубежом — от Шанхая до Парижа, но никогда не забывавший Отечество и глубоко любящий его.

Познакомились мы с ним случайно. Работая в Париже советником посольства, я довольно часто заходил в магазин русской книги «Глоб» в Латинском квартале. Однажды мне бросился в глаза альбом работ неизвестного у нас художника с видами французской столицы. Я спросил у продавщицы — русской парижанки, кто автор альбома. Будучи знакома с художником, она обещала сообщить ему мое лестное мнение о его творчестве. Прошло некоторое время, и я получил от Константина Константиновича письмо с предложением увидеться. Мы действительно встретились и скоро стали, несмотря на ощутимую разницу в возрасте, близкими друзьями.

Меня привлекла в нем прежде всего непоколебимая верность собственному почерку, найденному художником в ранней молодости и адекватному его представлению о прекрасном. Стиль Константина Клуге, напоминающий манеру ранних французских импрессионистов, мог бы показаться сторонникам крайних авангардистских школ и течений несколько архаичным. Однако в сегодняшней Франции последовательный абстракционизм мирно соседствует с сугубым натурализмом, вплоть до натюрмортов, изображающих обиходные предметы настолько близко к реальности, что их именуют «обманом зрения». На их фоне стиль Клуге выглядит свежо, а главное — поэтично и искренне. Будучи вынужден волей-неволей считаться порой со вкусами покупателя и, соответственно, запросами владельцев картинных галерей, Константин Константинович никогда не поступался своим принципиальным эстетическим кредо.

Тем более щепетил он всегда в духовных исканиях. Если эстетика, считает он, еще допускает временами какие-то вынужденные компромиссы, то этика — никогда.

Открытость, щедрость, истинно русское отсутствие какого-либо мелочного расчета в отношениях с людьми не мешают непримиримости Клуге в вопросах, которые кажутся ему принципиально важными. Глубокая вера в доброе духовное начало сочетается у него с категорическим непри-

К 0403000000 - 127
025(01) - 92 КБ-20-27-92
ISBN 5-210-02209-9

© Константин Клуге,
Коммунизм Христа, 1992г.
© Ю.И. Рубинский,
Несколько слов об авторе, 1992г.

ятием тех, кто злоупотребляет лучшими сторонами человеческой природы. Именно последнее во многом объясняет происхождение этой книги, которую автор считает делом своей жизни.

Клуге родился в Риге 16 (29) января 1912 года. Он приходится двоюродным братом известному советскому писателю Юрию Павловичу Герману. Они встретились после полувековой разлуки в начале 60-х годов, незадолго до кончины Германа. Дед Константина Константиновича по отцовской линии, Ганс Клуге, агроном и селекционер, выходец из Германии, поселился сначала во Франции, а затем в России, впервые введя в Бессарабии — нынешней Молдове — культуру шампанских вин. Брат жены деда, урожденной Овчинниковой, был генералом русской армии. По материнской линии дедом Константина Константиновича был тоже кадровый военный — полковник Игнатъев, служивший в Архангельске. Военную традицию семьи продолжил и отец Константина. По окончании военного училища он сражался на фронтах первой мировой войны, был ранен, награжден Георгиевским крестом. Мать Константина некоторое время преподавала русскую словесность детям одного из великих князей. После гражданской войны полковник Клуге, штабной офицер армии Колчака, выехал с семьей в Китай.

Окончив в Шанхае французскую школу, Константин Клуге получил высшее образование в прославленной парижской Школе изящных искусств, где специализировался на архитектуре. Он вернулся в Китай и работал экспертом в муниципальных службах Шанхая. Однако уже в студенческие годы Клуге страстно увлекся живописью. После того как его китайские пейзажи и портреты начали приобретать признание, он решил стать профессиональным художником и в 1950 году снова, на сей раз уже окончательно, перебрался во Францию, где и живет поныне. Его полотна украшают картинные галереи и частные коллекции многих стран, особенно США. За заслуги в деле распространения французской культуры за рубежом он награжден орденом Почетного легиона. Уютный дом Константина Константиновича, построенный по его проекту, находится в деревушке Монлоньон близ Санлиса — древней столицы французских королей, супругой одного из которых в XI веке была Анна Ярославна, дочь великого князя Киевского Ярослава Мудрого.

Свою неординарную жизнь Константин Клуге описал в автобиографической книге «Соль земли», вышедшей в издательстве «Искусство».

Во время бесед, которые мы часами вели с ним обо всем на свете, речь нередко заходила о возвышенных предметах духовного свойства. Дело в том, что Константин Константинович с молодости интересовался происхождением и сутью христианства, много читал о нем, встречался с представителями различных христианских церквей, особенно с крупным французским ученым Пьером Тейяром де Шарденом, принадлежавшим к Ордену иезуитов. Оригинальная концепция эволюции природы и человеческого общества Тейяра де Шардена оказала на Константина Клуге глубокое влияние, побудив его написать книгу с своим пониманием учения Иисуса Христа, очищенного от позднейших искажений. Именно эта книга, вышедшая в свет во Франции в конце 50-х годов и вызвавшая тогда оживленную полемику, предлагается ныне в значительно дополненном и переработанном виде вниманию российского читателя.

Интерес Константина Константиновича к проблемам религии не случаен. Он связан прежде всего с обстоятельствами его биографии, во многом типичной для человека его происхождения, представителя первой волны русской эмиграции после революции и гражданской войны. Великие и трагические события, которые выпали на долю нашей страны, побуждали ее сынов, оказавшихся вдали от Родины, с мучительной болью размышлять об историческом предназначении русского народа и государства, их прошлом, настоящем и будущем. Эти размышления в полном соответствии с традициями российской национальной культуры всегда вращались вокруг вечных понятий о добре и зле, истине и лжи, свободе и справедливости, что неизбежно приводило к искажениям религиозного порядка.

Как мне представляется, у Клуге подобные искания неразрывно связаны не только с его неординарным жизненным опытом, но и с особенностями его дарования, со спецификой видения им окружающего мира и людей. Тонко чувствуя малейшие оттенки света и цвета, Клуге-художник всегда оставался верен своему первоначальному, архитектурному призванию, которому обязан твердым, истинно профессиональным рисунком, безошибочным ощущением классических законов линейной перспективы. В каких бы жанрах он ни работал — пейзаже, портрете, натюрморте, — эта четкость рисунка неизменно дает себя знать. «Клуге умеет соблюдать чистоту архитектурных форм, выражая их то в легких цветах, то в монохромном стиле, всегда опирающемся на строгий рисунок. Он заботится об абсолютной точности, коей так пре-

небрегают сегодня», — писал о его картинах один из французских критиков.

Учение Христа играет в мировоззрении Константина Клуге ту же роль нравственной опоры, своего рода несущей конструкции, что рисунок в его картинах. В христианстве он видит прежде всего и главным образом страстный призыв к единению всех людей, к любви и братству между ними, к поиску того, что их сближает, а не противопоставляет друг другу. Отсюда его увлечение концепциями Тейяра де Шардена, для которого высшим законом эволюции органического мира является слияние во все более крупные единицы, вплоть до образования «ноосферы», объединяющей все живое на нашей планете в единую систему. Тем же объясняется отказ Константина Клуге отождествлять христианство с замкнутой, цементированной жесткими канонами и обрядами иерархией католической церкви, которая отвергает с порога всех инакомыслящих. Подобная непримиримая, воинствующая интерпретация учения Христа, восходящая еще к апостолу Павлу, всегда вызвала у Константина Клуге решительное неприятие, которое он настойчиво пытается обосновать с помощью собственного толкования Нового Завета.

Не будучи теологом и отнюдь не претендуя на роль арбитра в вечном споре вокруг духовного наследия Иисуса Христа, который продолжается уже две тысячи лет, все же хотел бы искренне рекомендовать книгу Константина Клуге вниманию российского читателя. Судьбы нашего Отечества решающим образом зависят ныне от единения всех его сынов и дочерей во имя высших идеалов русской, европейской и мировой цивилизации. Все, что могло бы способствовать достижению этой великой цели, приобретает огромное, поистине решающее значение.

Ю.И. Рубинский,
профессор, советник посольства
Российской Федерации во Франции

*«Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже разгорелся!»
(Лука 12, 49)*

О ТОМ, КАК РОЖДАЛАСЬ ЭТА КНИГА

В раннем детстве я любил предаваться всевозможным несбыточным мечтаниям, играя в них героические роли. Помнится, что одной из таких фантазий была защита и освобождение Иисуса Христа от его римских палачей. Как я всех их разогнал и перебил! И как потом Христос меня хвалил и благодарил за услугу!

Прошло много лет, а мне все кажется, что Христа надо выручать, но теперь уже не от первосвященников храма иерусалимского и не от римских воинов, а от тех, кто, по его же словам, «взяли ключи разума, сами не входят и другим не дают войти».

Во время моего учения — сначала в школе, а позже в Парижской Академии искусств — я жил среди русских эмигрантов, и меня всегда подсознательно отталкивал их конформизм в отношении церкви. Я чувствовал в этом нечто крайне ответственное и для меня неприемлемое. Но о вопросах религии я не задумывался ни тогда, ни даже потом, когда, вернувшись перед войной в Шанхай, увлекся живописью, которая с тех пор стала моим основным занятием.

Решающую роль в моих взглядах на жизнь сыграл ныне известный палеонтолог и философ Тейяр де Шарден. Это знакомство вылилось в тесную дружбу. Я виделся с ним в течение лета 1943 года почти ежедневно*.

Его объяснения эволюции всего того, что родила Земля, поражали своей логикой, и я как замороженный слушал Тейяра, иногда позировавшего мне для портрета. Но хотя он и был

*Об этом можно прочитать в Приложении.

иезуитом, наши беседы, как мне помнится, ни разу не коснулись вопросов религии. Будучи пожизненно сослан Ватиканом в Китай за фундаментальные расхождения с католической Церковью, Тейяр избегал разговоров на религиозные темы. Возможно также, что он чувствовал полное отсутствие у меня интереса к этим проблемам. Вернувшись из Пекина в Шанхай, где жила моя семья, я был поглощен нелегкими условиями существования в окруженном войной городе, и размышления об эволюции живых существ временно перестали меня волновать.

Однако война на Дальнем Востоке пришла к концу, и наша жизнь понемногу начала возвращаться в привычное русло. В 1946 году, окончательно покинув Шанхай, я переехал в Гонконг. Там здоровье мое пошатнулось. По непонятной причине я стал подвержен резким колебаниям настроения: то целыми неделями оно было исключительно повышенным, то я впадал в нескончаемое уныние и депрессию. Периоды крайней возбужденности сопровождались жизнерадостностью, оптимизмом и особой проницательностью. Бессонными ночами, когда мозг требовал новой духовной пищи, я взялся было перечитывать Достоевского, но вскоре и этого оказалось недостаточно.

Роясь в книгах, я обнаружил маленький томик Нового Завета. Первую его часть — четыре Евангелия — я осилил за одну ночь.

Христос порастил меня непоколебимой прямоотой и пренебрежением грозящей ему опасностью. Его уверенность в конечном торжестве добра над злом, а также призывы к полному духовному единению людей внезапно приобрели в моем сознании большое значение, одновременно воскрешая в памяти пророческие доводы Тейяра де Шардена. Население Земли движется к неизбежному духовному перерождению, ведущему его к некоей всемирной общности, названной Тейяром «ноосферой». В его представлении она будет подобна сети из миллиарда нитей, связывающих всех людей мира взаимной любовью.

Так неожиданно прочитанное о Христе указало мне на то главное, что должно было заполнить мою духовную жизнь: отделение подлинного учения Христа от легенд, небылиц и, главное, от намеренных искажений, на которых и основана религия, называемая христианской. Блюстители такой искусственной религии изобрели ритуалы и создали иерархию служителей культа. В этом нет ничего нового: жрецы, волшебники, шаманы и прочие мистификаторы процветают с тех самых пор, как наши предки покинули свои пещеры. Христос назы-

вал их «вождями слепыми» и сравнивал с «волками в овечьих шкурах». Постоянно расположенный прощать всем и вся, для духовенства Христос не находил ничего, кроме безжалостных слов осуждения.

В 1950 году я переселился во Францию и, когда только мог, возвращался к изучению Нового Завета. Сложности личной и профессиональной жизни не дали возможности сразу опубликовать плоды моих изысканий. Рукопись на русском языке, размноженная на машинке и розданная среди эмигрантов, не нашла у них одобрения. Религия, какая бы она ни была, связывала их с мечтой о России. Почти у всех был знакомый «батюшка», без которого их дети не умели бы писать, а то и читать по-русски.

Тогда я взялся писать анализ Нового Завета на французском языке, назвав свой труд «Коммунизм Христа». Мой текст был принят лишь одним отважным парижским издательством Фишбахера и вышел в свет в 1959 году. На книгу была масса откликов — часть французской прессы шумно приветствовала ее, в то время как другая, наоборот, подвергла самой язвительной критике. Не оставив никого безразличным, моя книга вызвала острую полемику между клерикалами и свободомыслящими журналистами.

«Коммунизм Христа» был переведен на английский и на португальский языки. К сожалению, в те годы об издании книги в Португалии, где властвовал Салазар, не могло быть и речи. Были у нас мечты издать ее в Бразилии, но они так и не сбылись...

Со временем мне пришлось убедиться: мой анализ Нового Завета, помимо шумного отклика прессы, привлекал внимание лишь очень немногих интересовавшихся вопросами религии обывателей. Значительная часть населения Франции видела в католицизме опору своей буржуазной морали, в то время как малоимущие были всецело заняты борьбой за лучшее материальное существование и упоминания о религии служили им лишь предметом шуток.

Однако меня не покидало желание поделиться своими наблюдениями с как можно большим числом людей, и я решил написать нечто вроде общедоступного романа, в котором отражалось бы как учение Христа, так и искажения его слова.

Моя жизнь постоянного переселенца была полна всевозможными приключениями и буквально просилась на описание. К тому же мне посчастливилось близко сойтись кроме Тейяра с рядом исключительных людей. Все это позволило мне написать на французском и английском языках увлекательную автобиографию.

Я начал с того, что повез английскую версию в Соединенные Штаты, пытаясь заинтересовать ею тамошних издателей. Увы, повсюду мне заявляли, что помимо непопулярной критики религии в моем повествовании немало описаний грустных эпизодов, не соответствующих вкусу американского читателя.

Вернувшись во Францию, я решил обойтись без требовательных и осторожных издательств, опасаящихся критики католиков. Мне удалось опубликовать свою книгу самостоятельно, добавив к тексту около сотни репродукций моих пейзажей и портретов. Этот альбом-монография привлек внимание многих читателей во Франции и в Америке.

Таковы были в течение всех послевоенных лет мои усилия передать зарубежным читателям свои наблюдения о так называемой христианской религии.

Однако все эти попытки не могли меня всецело удовлетворить. Я мечтал предложить людям свой труд на родном языке.

И вот теперь книга выходит в России, у меня на родине.

Долгие годы религию в России пытались искоренить силой. Гонение на церковь восстановило массы людей против самой революции и одновременно превратило в мучеников тех, кто открыто продолжал исповедовать свою веру. Неудивительно, что сегодня в поисках нетленных духовных ценностей многие люди обращаются к окруженному ореолом мученичества христианству в том искаженном виде, в каком оно существует. И не принимают во внимание того, как оно в корне расходится со сказанным Христом, учившим людей не ритуалам, а неведомому до него братству и товариществу.

Сегодня рушатся догматы, вчера казавшиеся незыблемыми. То, что произошло в нашей стране за последние семьдесят пять лет, поколебало веру многих в возможность создать общество, основанное на альтруизме и справедливости. Невольно вспоминается в такой момент учение о гармоничной жизни, данное людям на заре нашей эры.

Моя книга никак не должна нанести ущерба христианской мысли. Наоборот, она позволит людям ознакомиться с подлинным Христом, поднявшимся из той глубокой могилы, в которую столетиями погребала его религия, называемая христианской.

Пусть читатель не упрекает автора за повторение некоторых изречений Христа. Они одновременно освещают разные жизненные вопросы и заслуживают отдельного изучения. Кроме того, заветы Христа дороги столь многим, что их повторение воспринимается как некий припев любимой песни и не повредит этому труду.

Да сбудется реченное через пророка, который говорит: «отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира».

(Матфей 13, 35)

О РЕЛИГИИ

«Почему я не христианин?» — так озаглавил свой труд хорошо известный моему поколению английский философ и писатель Бертран Рассел.

Все, кто помнят, какую исключительно полезную людям жизнь он прожил, не согласятся с заглавием его книги, ибо трудно представить себе человека, больше, чем он, заслуживающего быть названным хорошим христианином. Чем же так не понравилось ему христианство?

Ответы в его книге содержатся в изобилии. И все же, на мой взгляд, ее заглавие парадоксально. Мы не можем с порога отбросить одновременно как Христа, так и религию. Необходимо разобраться в этом вопросе, понять, что в Новом Завете соответствует учению Христа, а что уничтожает саму его суть. В этом основная задача данного труда.

Трудность, однако, состоит в том, что действительно сказанное Христом тесно переплетено с абсурдными измышлениями фантазеров и фальсификаторов. Наша задача — показать, как ценны заветы Христа, если выделить их из того, что умышленно к ним примешано и препятствует их восприятию и применению в жизни. Закрывая глаза на явные недостатки религии, ищущие защиты небес тянутся всеми силами души к тому, что они считают своей верой, хватаясь за нее, как утопающий за соломинку.

Проповедуя добрые отношения между людьми, Христос указывал на конечную цель, к которой развивающаяся Жизнь ведет наш человеческий муравейник. Причем добрые отношения, учил он, должны не ограничиваться лишь кругом «своих» по плоти, по расовой или по какой иной принадлежности, а

относиться и к тем, кого мы считаем «чужими». Важно не упускать из виду планетарность его учения. Это понятие относится не только к нашему настоящему, оно охватывает как века, нам предшествовавшие, так и ожидающее нас будущее.

Наши знания об окружающем мире несравнимы с ограниченными представлениями о нем современников Христа. Желая постичь неведомое, они создавали мир волшебных фантазий, подобно детям, которые, играя, воображают то, что им еще неизвестно.

Нам же нельзя не отнестись скептически ко многому из того, что написано в подобных «свидетельствах» двухтысячелетней давности, называемых в совокупности Новым Заветом.

Помимо писаний четырех евангелистов недавно обнаружены и иные свидетельства о жизни и учении распятого назарянина. На этих страницах мы ограничимся исследованием лишь четырех евангельских повествований и Посланий Павла.

Появление почти двадцать веков назад «человека будущего», «Сына человеческого» среди людей, всецело преданных древним писаниям, традициям и священным обрядам, поражает нас своей преждевременностью.

Колыбель человечества изобилует верованиями в многочисленных богов, требовавших себе жертвоприношений. Хоть иудеи и отличались от своих соседей монотеизмом, их вера в единого Бога была также связана с языческим приношением жертв. Во избежание идолопоклонства они не создавали каких-либо изображений своего божества.

Как и его предшественники, Христос говорил о едином Боге, создателе всего сотворенного, аллегорически называя его «Отцом», то есть тем, кто порождает.

Корни легенды о рождении Иисуса от Девы и от Духа Святого следует искать в отголосках языческих мифов о рождении богов и героев от связи богов со смертными.

Не успел Христос умереть, как в порыве преклонения перед личностью распятого пророка, каким его считали многие, Матфей и особенно Лука окружили его рождение сплетением мифологических выдумок. Желая как только можно возвысить авторитет покинувшего их учителя, они указывают на его царственное происхождение.

Так, Матфей начинает свое Евангелие словами:

«Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова...»

И кончает «родословие» так:

«Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос» (1, 16).

Лука пишет:

«Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев...»

Затем он называет еще 70 предков и кончает родословную так:

«...Еносов, Сифов, Адамов, Божий» (3, 23 — 38).

Этим Лука пытается подчеркнуть происхождение Иисуса от согрешившего Адама. Помимо того подчеркивается, что Иисус происходит от Бога, а следовательно, является сыном Божиим.

Однако оба евангелиста должны признаться, что приведенная ими родословная не точна, поскольку она ведет к Иосифу, который не был отцом Иисуса...

Пояснения к католической Библии выводят, однако, Матфея и Луку из их противоречий, утверждая, что Иосиф и Мария были близкими родственниками и, следовательно, родословная одного также относится и к другому. Можно сожалеть, что наши евангелисты ничего не слышали об этом родстве и не обмолвились о нем ни словом.

По сравнению с лирическими описаниями Луки Матфей сообщает об обстоятельствах рождения Иисуса весьма сжато, как бы не очень-то доверяя всем этим басням. Он пишет о том, как Иосиф, намереваясь жениться на Марии, обнаружил, что она беременна, и хотел с ней расстаться, но ему приснился ангел господень, убедивший его не печалиться, ибо «плод чрева» Марии зароден не иначе, как Духом Святым.

Лука повторяет версию Матфея о непорочном зачатии Марии, но не упоминает о сновидении Иосифа. Зато у него ангел господень, именуемый Гавриилом, предстает перед Марией наяву и лично оповещает ее о зачатии от Духа Святого. Столь же пространно Лука описывает обстоятельства рождения Иоанна Крестителя от пожилой бесплодной Елизаветы, родственницы Марии. Ее роды также связаны, по словам Луки, с множеством чудес, касающихся не только Елизаветы, но и ее мужа Захарии.

Для описаний Луки (ближайшего соратника Павла) характерно подобострастие, с которым он рассказывает о священнослужителе Захарии, о его кадении храма и о том, как ангел господень явился ему у жертвенника. Все это благочестие совершенно противоположно по духу сказанному Христом.

Надо еще заметить: ничто так не воспевается в православных молитвах и богослужениях, как главы Луки о рождении младенца Иисуса и о его девственной матери.

Ω

Само собой разумеется, что выдающийся подросток Иисус не превратился в одночасье в величайшего учителя морали. Он не только черпал мудрость из книг пророков, но и лучше чем кто-либо сумел понять смысл и направление окружавшей его жизни. Углубляясь в свои наблюдения, он с растущей уверенностью использовал всю свою энергию и все свои человеческие возможности, дабы передать людям то главное, чем они должны руководствоваться.

«Все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его», — пишет Лука о двенадцатилетнем Иисусе (2, 47).

Христос ощущал в себе растущие духовные силы, которые давали возможность изменять обычные явления, то есть в житейском понимании творить чудеса.

Мудрость Христа, сила его духа, его способность не только проникать в сердца своих современников, но и провидеть грядущее действительно сверхъестественны, и нельзя допустить мысли, что он мог все это почерпнуть от малограмотного окружения плотника Иосифа.

Однако необыкновенное рождение Христа — далеко не единственный догмат католической Церкви.

В 1854 году римским папой Пием IX был создан догмат о «пречистом зачатии», согласно которому в момент зачатия Марии ее родителями произошло чудо: их семья было освобождено от первородного греха Адамова, передаваемого всем людям из поколения в поколение.

А в 1950 году папа Пий XII провозгласил еще один догмат — о «вознесении матери божией». Мария не могла, подобно всем людям, умереть на Земле, она живой вознеслась на небо и достигла этого неба именно в момент провозглашения папой догмата о вознесении пречистой девы Марии.

Присутствовавший при этом торжественном событии журналист написал: «Так католическая Церковь пролила яркий свет на лик девы Марии, доселе находившейся в тени Христа». В этом заключении таится весь смысл данного догмата, создавшего идола — «Деву», — которым затмевается Христос и его учение.

Как и в древности, обманутые люди более склонны поклоняться созданному ими идолу, чем попытаться постичь всю глубину слов Христа.

Ω

Защитники религии непременно задают вопрос: был или не был Христос сыном Божиим?

Приходится начинать с того, что выражения «сыны божии» и «сыны диавола» часто встречаются в Библии и обозначают хороших и плохих, поэтому вполне естественно, что современники Христа называли его сыном Божиим.

Евангелист Иоанн в начале своего повествования торжественно называет Христа «Светом мира».

«Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (1, 11 — 14).

О «рождении от Бога» Христос поясняет Никодиму, наивно спрашивавшему, как это можно взрослому человеку «родиться снова». Никодим не мог понять простой мысли, что воспринявшие мировоззрение Христа расстаются со своими прошлыми убеждениями, невольно обновляются духовно, как бы рождаясь заново.

Поддаваясь пламенному восторгу, с которым Иоанн пишет о своем любимом учителе, сделаем и мы такой вывод: из всех известных нам людей больше чем кто-либо Христос был одарен «божественным духом». В нем мы видим наиболее «божественного» человека, когда-либо жившего и призывавшего всякого следовать за ним, чтобы достигнуть той же духовной высоты, что и он. Зная, насколько люди способны исказить само понятие о нем, Христос настойчиво называл себя Сыном Человеческим.

Ненавидящие Христа фарисеи намеревались его убить, укоряя в богохульстве. Они кричали ему:

«Будучи человек, делаешь Себя Богом» (Иоанн 10, 33).

Они не могли и подозревать, какую глубокую мысль выражали их злобные выкрики.

В древности, судя по библейским писаниям, среди всеобщего разврата появлялись люди, одаренные природой исключительно высокими моральными качествами. С прошествием веков стремление указывать путь истины своим современникам появлялось не только у отдельных исключительных людей, но и у целых народов, пытающихся строить свою жизнь на основе морали.

Христос называет их, как и себя, добрыми пастырями, ведущими людей к единению.

«И будет одно стадо и один Пастырь» (Иоанн 10, 16).

Христос добровольно шел на мученическую смерть, чтобы послужить борцам будущего примером отрешенности от личного благополучия.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн 15, 13).

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн 12, 24).

О ВЕРЕ И О БЕССТРАШИИ

Христос связывал веру с отсутствием боязни. Человек же неверящий, сомневающийся, колеблющийся подвержен постоянному беспокойству, излишней осторожности, робости и страху.

«И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры?» (Марк 4, 40)

«...Не бойся, только веруй» (Марк 5, 36).

«И говорит им: что вы так боязливы, маловерные?» (Матфей 8, 26)

«...Маловерный! зачем ты усомнился?» (Матфей 14, 31)

«...Где вера ваша?» (Лука 8, 25)

Так упрекал Христос своих учеников, убоявшихся бури. Неверие даже среди тех, кто постоянно находились с ним, приводило его в уныние. Но случалось и так, что слушающие его впервые проникались полным к нему доверием и, не колеблясь, воспринимали смысл сказанного им.

Таким оказался римский военачальник, сотник, обратившийся к нему с просьбой исцелить своего больного слугу. Сотник добавил, что для исцеления Христу достаточно этого пожелать, ибо силы подчиняются ему так же, как и воины приказам своего начальника.

«Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам: и в Израиле не нашел Я такой веры» (Матфей 8, 10).

«И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе» (Матфей 8, 13).

Так же случилось и с прокаженным, который просил его:

«Господи! если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистишься» (Матфей 8, 2 — 3).

Христос добавил, что многие придут с востока и запада и разделят его мировоззрение, тогда как сыны Израиля останутся во тьме.

Ω

Можно ли верить в Бога? Верить во что-то нам абсолютно неизвестное и даже невообразимое?

Есть люди, верящие в существование некой творящей силы, но есть и те, кто отрицают такую возможность.

Наблюдая за развитием жизни на нашей планете, вдумываясь в бесконечную сложность и взаимную зависимость всего того, что родит эта жизнь, трудно допустить, что все это создано само собой, без руководящего участия какой-то внешней силы.

Если же допустить существование создающих положительных сил природы, то невольно встает вопрос и о тех отрицательных силах, которые противятся положительному развитию Жизни. Эти силы всячески стремятся, скрывая от людей путь, указанный Христом, завлечь их во все новые и все более абсурдные тупики.

Чтобы современники могли постичь и воспринять его учение, чтобы вызвать у них доверие к сказанному им, несмотря на их приверженность к установленным традициям, Христос был вынужден, вопреки своему желанию, пользоваться данной ему сверхъестественной возможностью творить нечто выходящее за обычные человеческие нормы. Не удивляй он людей своими «чудесами», не верили бы они ему. Так не раз досадовал он, добавляя, что «ныне они не в силах вместить его слово» (Иоанн 16, 12).

Христос стремится возбудить у своих слушателей доверие к воле Создателя. Как дети верят своим родителям, так и от людей он ожидал непоколебимой веры в мудрое руководство «Отца». В его устах вера означала полное доверие.

«Не две ли малых птиц продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не

бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Матфей 10, 29 — 31).

Ученые не только раскрывают секреты жизни существ, населяющих нынешнюю Землю, они изучают и то, как жили эти творения в предыдущие тысячелетия. Проникновение в прошлое дает им возможность предвидеть и то, что нас ожидает в будущем. Астрономы измеряют пространства в световых годах, а иные ученые постигают мир микроскопических единиц, составляющих материю.

И все это бесконечно сложное рождается, живет, размножается и сменяется новыми, более усовершенствованными существами, вступающими в новые группы. Все это создается и будет создаваться в нужное время, подчиняясь циклам эволюции Вселенной, и составляет лишь часть известной нам бесконечно сложной Природы.

Зная все это, мы, наивысшие творения, созданные, как гласит Писание, по образу самого Творца, вложившего в нас искру божью, способны, как только наше личное благополучие находится под угрозой, упускать из виду или даже отрицать существование и решающую роль в нашей участи сил, без которых ничто бы не существовало.

Исследование Жизни на Земле открывает новые доказательства мудрого руководства всем живым. Если же какие-то отдельные части этой общей Жизни постигает неудача, даже гибель, нельзя отрицать общий успех великого замысла, каковы бы ни были «осечки» в его развитии.

Такой планетарной оптикой и отличается учение Христа: Мир не для себя, а для всеобщей Жизни. Он хотел вызвать у людей доверие к этой жизни.

Это всеохватывающее понятие Христос заменяет понятием о Боге, называя его «Отцом». Будем же и мы пользоваться этим аллегорическим обозначением.

Ω

Когда бандит угрожает нам оружием, мы «логично» считаем, что наша судьба либо в руках бандита, либо зависит от нашей способности защититься, забывая при этом, что как намерения бандита, так и наши поступки зависят в тот момент от сил, создавших не только нас двоих, но также и оружие, и его заряд, и все то, из чего они сделаны. Вся эта цепь элементов, однако, находится в полной зависимости от «Отца», даже сырьем, которая может подмочить данный порох, а может и не

подмочить. А в результате мы будем утверждать, что такой-то спасся «чудом» или дрогнула чья-то рука.

У Тейяра де Шардена понятие о Творце и Творении протекают одно из другого. Бог родит Жизнь, а она создает свое же завершение — Бога. Альфа и Омега — первая и последняя буквы алфавита. Ими Тейяр выражает Жизнь Вселенной.

Иоанн, единственный из евангелистов объяввший всю глубину сказанного Христом, начинает свое повествование о нем такими словами:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть» (1, 1—3).

В своем Послании апостол Яков, брат Иоанна, пишет:

«...Сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не тверд в путях своих» (1, 6—8).

Отбросив колебания и убедившись в пользе своего участия в процессе Жизни, люди перестают чего-то опасаться. Они становятся бесстрашными.

В Первом послании Иоанна выражена такая мысль:

«В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (4, 18).

И действительно, любовь к Жизни, готовность содействовать ее развитию создают из людей оптимистов, не думающих об осторожности, готовых идти на любой риск. Они с увлечением отдаются потоку этой Жизни, несущему их к Совершенству.

«Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Иоанн 4, 14).

Ω

У Матфея мы читаем, как в ночь своего ареста Христос в отчаянии восклицает: «Душа Моя скорбит смертельно» — и, удалившись от своих учеников, обращается к Создателю с мольбой: «Если возможно, да минует Меня чаша сия». Но тут же добавляет: «Впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (26, 38—39).

Были ли у Христа такие минуты малодушия? По словам того же Матфея, взывая так к Отцу, Христос был один.

Возможно, что подобным описанием Матфей хотел вызвать сочувствие и жалость к своему самообреченному учителю и вложил в его уста выражение чисто человеческой слабости духа. Вспоминается, как Христос прогнал Петра, обозвав его сатаной, когда тот стал уговаривать его не идти на муки.

«Ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Матфей 16, 23).

Не «соблазн», а «искушение» сказано в других Библиях.

Возможно также, что отчаяние Сына Человеческого было вызвано безразличием масс людских, которых он годами пытался переубедить. Но, как мы видим, Христос не долго предавался колебаниям, вверив тут же свою судьбу «Началу», которому он посвятил свою жизнь.

Могли он в те минуты горечи допустить, что все его учение, как и его жертва, останутся бесплодны? Что люди не смогут извлечь из его учения какую-либо пользу? Или же, благодаря силе своего проникновения в грядущее, он мог предвидеть, что по прошествии многих веков его слово будет воспринято народами Земли?

Весьма знаменательно само выражение «смертельная скорбь». И действительно, страх порождает меланхолию, ведущую к отчаянию, убивая в нашем сознании счастливое расположение духа, без которого не может быть создано что-либо значительное.

Но это единственный случай, где говорится о колебаниях Христа перед ожидавшей его участью. Все его учение исполнено непоколебимой уверенности в своем назначении. Предвидя страдания, он восклицает: «Как Я томлюсь, пока сие свершится!» (Лука 12, 50).

Бесстрашие рождается вместе с уверенностью в нашей принадлежности к ведущим силам природы, мы перестаем бояться любых угроз. Такое полное отсутствие страха Христос проявил, отвечая Пилату, решавшему — предать его палачам или отпустить. На вопрос Пилата: «Ты Царь Иудейский?» (Иоанн 18, 33) — Христос ответил:

«Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Иоанн 18, 36).

Тут следует обратить внимание на слово «ныне». О каких служителях своих говорит Христос? Не имел ли он в виду миллионы людей грядущих веков, подобных ему самому, устремленных к воцарению любви и справедливости? Предвидел ли он торжество свободы гласности над порабощением единовластия? Мог ли он, несмотря на то, что его ожидало, думать о временах, когда свободомыслие сменит установленные и требуемые верования и традиции и когда не так-то просто будет затыкать мыслящим людям рот и пригвождать их к скрещенным бревнам?

Невольно возникает мысль: не для постоянного ли напоминания людям о том, к чему может привести свободомыслие, понаставлены и повешаны, где только можно, изображения распятого Христа? Распятями украшены тысячи перекрестков деревенских дорог в католических странах.

Ω

Целая вечность потребовалась для создания на поверхности земли коры плодотворной почвы, необходимой для проявления Жизни. И лишь по истечении миллионов лет, в результате бесчисленных перевоплощений и совершенствований появился «венец творения» — человек.

В наш же период, когда это сверхтворение, одаренное поразительными способностями, проявляет растущее стремление к все большему объединению, когда многие, жертвуя личным благополучием, прилагают все силы для достижения общего блага, на таком важнейшем этапе развития жизни руководящие силы природы не могут не отнестись с особым вниманием к своему детищу. Но мы забегаем вперед, об этом пойдет речь в особой главе.

Параллельно со стремлением к объединению, влекомый прогрессом природы, Человек обретает растущую независимость от сотворившей его силы.

Не совсем так излагает свою мысль пророк древности Иеремия:

«Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (10, 23).

Сегодня можно возразить Иеремии, что, обретая свободу мысли, Человек становится способным не только самостоятельно давать направление собственным стопам, но и указывать верный путь своим собратьям.

Нам хочется сравнить развитие жизни на Земле с исполнением необъятным оркестром постоянно совершенствующейся симфонии. Оркестром руководит некий Дирижер. У каждого участника своя партитура и свой инструмент, и вместе с миллиардами как своих современников, так и живших до него он извлекает звуки, необходимые для всеобщей гармонии. К ведущим партиям Дирижер допускает тех музыкантов, которых отличает не только безупречное исполнение, но и способность увлечь своим примером остальных. Благодаря такому ревностному участию они приближаются к самому Композитору — Дирижеру, постепенно сливаясь с ним воедино.

Прогресс природы ведет к появлению сынов человеческих, подобных самому Христу.

Отношение «Отца» к своему зреющему «Сыну» — Человеку — поясняется Христом в его притчах о сеятеле и о виноградаре:

«Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь; всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более приносила плода» (Иоанн 15, 1—2).

Помимо ветвей бесплодных Христос указывает и на явных вредителей рода человеческого. Так, в притче о «враге-человеке», посеявшем плевелы среди пшеницы (Матфей 13 — 25), он безусловно указывает на наше духовенство. Однако, гласит притча, сеятель доброго семени не велит вырывать плевелы до жатвы, и лишь после жатвы их надо, связав, предать сожжению.

Дальше Матфей пишет:

«Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их, они — слепые вожди слепых...» (15, 13 — 14).

Как следует относиться к сим «сеятелям плевел»?

Наш совет: повернуться к ним спиной, перестав кормить этих паразитов, бездельников и мистификаторов.

Забегая вперед, хочется задать такой вопрос: чем объяснить наличие в природе сеятелей плевел и самого зла?

Даже если, судя по Писанию, враги прогресса и обречены на исчезновение, их присутствие возмутительно.

Наличие зла создает поляризацию: одни склоняются к добру, а другие — к злодейству.

«Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Матфей 25, 29; 13, 12; Марк 4, 25; Лука 8, 18; 19, 26)

У Луки сказано:

«Отнимется и то, что он думает иметь» (8, 18).

Ω

Говоря о себе, Христос восклицает:

«Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу как только через меня» (Иоанн 14, 6).

Трудно придумать более яркое определение процесса приближения рода человеческого к его Создателю.

Как мы видим, вера тесно связана с храбростью. Храбрые люди отличаются также и щедростью. Идя на риск, а то и жертвуя собой, они проявляют максимальную щедрость.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн 15, 13).

Враги же прогресса Жизни считают храбрость и неразлучную с ней щедрость проявлением глупости и всячески злоупотребляют чистосердечностью желающих быть полезными окружающим.

Однако опыт наших дней показывает, что, невзирая на хитроумные измышления пресыщенных благами земными, все чаще берут верх люди честные и нерасчетливые.

«Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Иоанн 19, 10 — 11).

В последние часы своей жизни, отвергнутый своими и обреченный, стоял он, не ведая страха, один перед Понтием Пилатом, предвещая о временах, когда его сподвижникам не будет числа.

Ныне мы тому свидетели: борцы за лучшую жизнь для всех восстают в различных концах Земли.

Если человек уверен в правоте всеобщего стремления и содействует ему, у него появляется доверие к окружающей Жизни и он перестает пещься лишь о собственном «завтрашнем

дне». Безразличный к собственным нуждам, он устремляет свои заботы на пользу другим.

«Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть?, или что пить?, или во что одеться?. Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матфей 6, 31 — 33).

Вспоминается ответ Христа на заданный вопрос о том, где оно, Царство Небесное, —

«Царство Божие внутри вас есть» (Лука 17, 21).

Ω

Теперь установлено, что все четыре Евангелия были написаны спустя несколько десятилетий после смерти Христа и, по всей вероятности, уже не его современниками. Один только Лука говорит, что передает слышанные им рассказы.

В годы, когда создавались четыре Евангелия, находящиеся под владычеством Рима иудеи верили в пришествие божественного сверхпророка, освободителя-Мессии. Таковым было убеждение и большинства последователей Христа и самих евангелистов. Поэтому в их писания вплетены всевозможные вставки не только из Ветхого Завета, но и из иноземных источников, кое-что добавляли и переписчики по собственному вдохновению.

Излагая основы учения Христа, евангелисты вместе с тем щедро наделили его способностью творить сверхъестественное. Множество чудес, которые он якобы совершил, соответствовало религиозным чаяниям угнетенного народа, видевшего в этом доказательство божественности Христа.

Со временем «невероятное» сделалось привычной частью верований. Людям казалось, что, отвергая чудеса, описанные в Евангелии, они отвергали бы самого Христа, а следовательно, и Бога.

Такое слепое верование притупляет мышление, вводя людей в некий религиозный самообман.

Чудеса, по словам евангелистов, Христос творил весьма неохотно и только для того, чтобы хоть как-нибудь привлечь внимание народа к своему учению:

«Вы не веруете, если не увидите знамений и чудес» (Иоанн 4, 48).

«Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него» (Иоанн 12, 37).

«Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дается ему...» (Матфей 16, 4).

«Истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, а потому, что ели хлеб и насытились» (Иоанн 6, 26).

Ω

Христос утверждал, что для приобретения духовной власти, подобной той, которой располагал он сам, людям необходимо перестать прилагать столько усилий к обладанию благами мирскими. Такое требование показалось его ученикам неосуществимым. На что Христос им возразил:

«Человекам это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу» (Марк 10, 27).

Иначе говоря, его современники не были способны на такое альтруистическое отречение. Когда же устремленность людей к взаимному сближению превзойдет их жажду материального обогащения, то, прогрессируя, теряя свою человеческую бытность, сливаясь воедино с творящими силами природы, они примут непосредственное участие в руководстве эволюцией Жизни и из «человесков» превратятся в «богов».

«Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?» (Иоанн 10, 34)

Так напоминал Христос фарисеям сказанное в их Писании, когда они грозили ему камнями, выкрикивая:

«Будучи человеком, делаешь Себя Богом» (Иоанн 10, 33).

Христос уверял, что не ему одному дано совершать чудеса, но и тем, кто сможет следовать за ним:

«Дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...» (Иоанн 14, 12)

Своим же ученикам он завещал исцелять болящих, возвращать зрение слепым, изгонять бесов и воскрешать мертвых (Матфей 10, 8).

Аллегорическое значение подобных чудес вполне понятно, оно одно и должно обращать на себя наше внимание.

ХЛЕБ И ВИНО

«Иисус взял хлеб и благословив преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета...» (Матфей 26, 26 — 28).

То же написано у Марка (14, 22) и у Луки (22, 19).

Описанию последней трапезы Христа с двенадцатью учениками Матфей посвятил десять строф, Марк — семь, а Лука — двадцать. Среди них один Лука добавляет:

«Сие творите в Мое воспоминание» (22, 19).

Иоанн же передает нам об этой прощальной вечере в пяти главах своего Евангелия, насчитывающих сто пятьдесят пять строф. В них говорится о важнейших заветах Христа. Однако о хлебе и вине в этих главах не упоминается ни словом.

Вполне вероятно, что, преломляя по обычаю хлеб, Христос произнес вышеупомянутые слова, но Иоанн не придал им особого значения. Тем более что в своей шестой главе он детально обсуждает аллегорическое значение слов «хлеб», «вино», «плоть» и «кровь Христа».

Прежде чем перейти к анализу этой, шестой главы Иоанна, вернемся к добавочной фразе Луки: «сие творите в Мое воспоминание».

Лука был ближайшим сподвижником Павла, а вот что пишет Павел Коринфянам в своем первом к ним Послании:

«И возблагодарив преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание» (11, 24).

То же повторил он и о «чаше сей».

Основываясь на этих текстах, наше духовенство заменило аллегорию Христа абсурдным ритуалом, при котором хлеб и вино волшебным образом превращаются в «истинные» плоть и кровь Христовы, и верующие, поглощая эту смесь, обязаны верить в подлинность такого перевоплощения! Воскликая: «Ешьте мою плоть и пейте мою кровь», Христос пытался вызвать у своих слушателей такую же потребность в сказанном им, какую они испытывают в еде и питье. Суть своего учения он отождествлял с самим собой, со своей плотью.

Специальное богослужение, предшествующее такому чудодействию, называется евхаристией (обедней), а восприятие так называемых «даров» — причастием. Этот ритуал считается важнейшим у католиков и православных*.

Тексты католической Библии обычно сопровождаются «пояснениями». Так, о хлебе и вине следует уточнение:

«Он не говорил: «Сие есть символ моего тела». Он также не говорит: «в» сим или «с» сим — мое тело», но, просто: «Сие есть тело мое», явно указывая на «транссубстанциацию», то есть на перевоплощение».

Такие слова, как «камень», «хлеб», «вино», «вода», «Дух Святой», «кровь» и «плоть Христа», постоянно встречаются у евангелистов. Как и притчи Христа, понимать их надо в переносном смысле.

«Кто жаждет, иди ко Мне и пей; кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (Иоанн 7, 37 — 38).

«Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него...» (Иоанн 7, 39).

Так евангелист поясняет значение аллегории Христа.

В шестой главе Иоанн повторяет призыв Христа есть его плоть и пить его кровь. Не в силах понять смысл этих слов, многие, даже среди его учеников, в возмущении хотели покинуть Христа. Тогда он сказал им прямо:

«Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Иоанн 6, 35).

*В конце мессы (обедни) католикам раздают лепешки — воплощение тела Христова, а вино выпивает только священник.

А также:

«Дух животворит, плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Иоанн 6, 63).

Несмотря на это бесспорно аллегорическое значение в устах Христа слов «плоть» и «кровь», называющие себя служителями христианской религии создали из них центральный ритуал, превращающий заветы Христа в какой-то невообразимый каннибализм. Как можно допустить мысль о действительном перевоплощении кусочков хлеба, плавающих в вине, в «истинную» плоть и кровь Христовы, волшебным изготовленные для нашего поглощения?! Как можно допустить такой грубый обман?

У Матфея сказано:

«Как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского» (16, 11 — 12).

В некоторых католических церквях замурована в поверхности престола малюсенькая частица мощей какого-нибудь святого; без которой, как мне объяснили, перевоплощение хлеба и вина не осуществляется. Не напоминает ли это закваску фарисейскую, против которой нас предостерегал Христос?

Если бы что-либо подобное творилось в средневековье или даже в наше время, но у каких-нибудь дикарей, можно бы было отнести к ритуалу причастия как к курьезной экзотике. К сожалению, это происходит на наших глазах. Надо только видеть, с каким благоговением одураченные верующие «приемлют святых даров»!

Можно предположить, что в природе кроме творческих сил разлиты также и силы разрушающие, что они противятся «самобоготворению» этой природы. И как не слышать их дьявольский хохот при виде такого издевательства людей над учением Христа?

У допускающих такую мистификацию понемногу пропадает способность хоть сколько-нибудь осмыслить глубину своего заблуждения. Они утверждают, что причастие, как и само богослужение, вселяет в их душу мир, спокойствие и любовь к ближнему. Их мысль спит, они становятся безразличными к наиболее важным вопросам жизни. Это тупик, в котором «враг человек» и его служители содержат свое стадо.

Это та паутина, из которой все же пытаются вырваться верующие, не доведенные до полного отупения религиозным дурманом.

Когда же паства разберется в невероятном обмане и перестанет доверять своим обманщикам-мистификаторам, то, пользуясь аллегориями Христа, мы воскликнем:

«Слепые прозревают и хромы ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют» (Матфей 11, 5).

«И в тот день глухие услышат слова книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых» (Исаия 29, 18).

«И будут истреблены все поборники неправды, которые запутывают человека в словах...» (Исаия 29, 20 — 21).

О ПАВЛЕ

«Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее. И преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий» (Послание к Галатам 1, 13 — 14).

Фарисей Савл, обладавший римским гражданством благодаря своему рождению в римской колонии Тарса, был известен своим ожесточенным преследованием сторонников нового учения и принимал участие в их избииении камнями.

Несмотря на гонения, учение Христа продолжало распространяться, особенно среди трудящегося люда. Тогда Савл распространил слух о своей встрече по дороге в Дамаск с воскресшим Христом, вручившим ему для передачи народам Земли все веления Всевышнего Бога.

Основываясь на этом поручении, Савл, назвавший себя с этого момента Павлом, принялся проповедовать свои теории.

Оказалось, что Христос, как прямой потомок Адама, был подвержен, подобно всем смертным, грехотворной плоти. Таким образом, пишет Павел, все то, чему Христос учил при жизни, неприемлемо, а лишь переданное ему лично воскресшим Христом достойно внимания и безоговорочной веры. Ибо своими страданиями на кресте и воскрешением из мертвых Христос не только отделался от первородного греха, но и, «искупив» сей грех, освободил от него весь род человеческий.

«Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (Второе послание к Коринфянам 5, 16).

В начале восьмой главы своего Послания к Римлянам Павел рассуждает о тех, кто подвластен своей плоти, и о тех, других, подобных ему самому, кто живет исключительно жизнью духовной.

«Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти» (Послание к Римлянам 8, 3).

В этой фразе в католической и в протестантской Библии слов «в жертву за грех» не существует. Их, видимо, наши православные переводчики Писания добавили от себя для большей убедительности.

В своих Посланиях Павел постоянно возвращается к искуплению Христом «греха мира» благодаря пролитой им крови. В представлении Павла злопамятный и кровожадный Бог-Отец никак не мог простить людям их коллективного греха и удовлетворился лишь после страданий и смерти наилучшего из них.

Как видно, Павлу пришлось оправдываться в фальсификации учения Христа:

«Ибо мы не повреждаем слова Божия, как многие, но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе» (Второе послание к Коринфянам 2, 17)

В католической и протестантской Библии сказано не «мы не повреждаем», а «мы не фальсифицируем». Такая смягчающая вольность наших богословов-переводчиков достойна самого Павла.

Нижеприведенные цитаты свидетельствуют о борьбе Павла с подлинными учениками Христа.

«Посему, имея по милости Божией такое служение, мы не унываем; но, отвергнувши скрытные постыдные дела, не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия...» (Второе послание к Коринфянам 4, 1 — 2).

«Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе? Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства — вы в

Господе. Вот мое защищение против осуждающих меня» (Первое послание к Коринфянам 9, 1 — 3).

«Но боюсь, чтобы, как змей хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе. Ибо, если бы кто, пришед, начал проповедовать другого Иисуса, которого мы не проповедовали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, — то вы были бы очень снисходительны к тому. Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов: хотя я и невежда в слове, но не в познании. Впрочем мы во всем совершенно изызости вам» (Второе послание к Коринфянам 11, 3 — 6).

«Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И не удивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их» (Второе послание к Коринфянам 11, 13 — 15).

В Послании к Галатам (2, 5 — 6) Павел рассказывает о том, как он был принят в Иерусалиме отцами христианского движения и не уступал им нисколько в диспутах.

Павел увещевал не вдаваться в премудрости, не рассуждать и не задумываться о чем бы то ни было, а всецело уповать на Всевышнего, веления которого известны лишь ему одному. Восставая против всяких логических выводов, он повторял о «благодати», которой Бог одаряет людей не за какие-либо добрые дела, а лишь по своей капризной милости.

«И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (Первое послание к Коринфянам 2, 4 — 5).

«Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Послание к Ефессянам 2, 8 — 9).

«Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого из-

лил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего» (Послание к Титу 3, 5 — 6).

«Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, — и мир Божий, который превышает всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (Послание к Филиппийцам 4, 6 — 7).

Толкования Павла, отрицавшего все, чему учил Христос при жизни, вызвали взрыв возмущения и протеста особенно среди тех, кто лично знал Христа, и Павлу пришлось покинуть Иерусалим и искать в дальних странах менее осведомленных слушателей.

Ненависть Павла к апостолам распространилась и на всех его соотечественников и вылилась в его злобную теорию о неисправимых пороках детей Израиля.

Он утверждает, что Бог создал народ иудейский «в приступе гнева», сотворив нечто отвратительное (Послание к Римлянам 9, 22). Однако, заверяет Павел, среди иудеев Господь Бог выделил некую особую часть неотверженных, с самим Павлом в первую очередь, и уберег их от всенародного проклятия. Основываясь на этом и постоянно ссылаясь на искупление грехов человеческих кровью Христа, Павел утверждает, что это самое искупление проявится тем действеннее, чем активнее верующие будут преследовать евреев! (Послание к Римлянам 11, 15).

Главное обвинение Павла против своих соотечественников — убийство Христа. На этом основании в течение веков покаяния христиан называли евреев богоубийцами!

«...Вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись; и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца» (Первое послание Фессалоникийцам 2, 14 — 16).

Не приходится удивляться, что, основываясь на заключениях Павла, «святители божиих церквей» призывали к гонениям на злосчастных евреев во имя искупления грехов верующих и в отместку за пролитую кровь Христову. Таковыми были среди многих: «святой» Амброзий Миланский, «святой» Юстиний, «святой» Августин и «святой» Иоанн Златоуст.

В то время как последователи Христа, преследуемые властями, скрывались в подполье, Павел беспрепятственно рассылал свои Послания во все страны Средиземного моря и путешествовал куда ему вздумается. Такая свобода действий со стороны «новообращенного христианина» могла объясняться лишь потворством духовенства храма иерусалимского, которое поддерживалось представителями Рима.

Сотрудничество Павла с властью имущими не подлежит сомнению. Он постоянно призывает к подчинению и послушанию.

«Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога... Посему противящийся власти противится Божию установлению... Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч... Для сего вы и подати платите; ибо они Божии слугители, сим самым постоянно занятые» (Послание к Римлянам 13, 1 — 6).

«Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение» (Первое послание к Тимофею 6, 1).

«Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано» (Послание к Колоссянам 1, 16).

«Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих... ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу» (Первое послание к Тимофею 2, 1 — 3).

«Рабов увещивай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность...» (Послание к Титу 2, 9 — 10)

«Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям...» (Послание к Титу 3, 1)

«Рабы, во всем повинуйтесь господам (вашим) по плоти, не в глазах (только) служа им, как человеко-

угодники, но в простоте сердца, боясь Бога» (Послание к Колоссянам 3, 22).

«Рабы, повинуйтесь господам (своим) по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Послание к Ефессянам 6, 5).

Эти требования Павла, обращенные к рабам и ко всем подвластным, противоречат тому, что говорит Христос:

«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так» (Матфей 20, 25 — 26).

И Исаия, которого Христос любил цитировать, обращаясь к народу, восклицает:

«Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сирот, и дело вдовы не доходит до них» (1, 23).

Дальше у Исаии сказано:

«Народ мой! вожди твои вводят тебя в заблуждение, и путь стезей твоих испортили» (3, 12)

Ω

Павел поражает своей безграничной самовлюбленностью, вне всякого сомнения указывающей на паранойю.

Он уверяет, что его личный дух был создан Богом «до сотворения мира» (Послание к Ефессянам 1, 4; Послание к Титу 1, 2). А также что он поставлен Всевышним, дабы передать людям его волю. Почти все его Послания начинаются с бесконечных самовосхвалений. Таково Послание к Ефессянам:

«Павел, волею Божию Апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах, так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которою Он обла-

годатствовал нас в Возлюбленном, в Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его, каковую Он в избытке даровал нам во всякой премудрости и разумении, открыв нам тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем, в устроенные полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом; в Нем мы и сделались наследниками, бывши предназначены к тому по определению Совершающего все по изволению воли Своей, дабы послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа...» (1, 1 — 12).

Какой контраст с исключительной скромностью евангелистов, никогда не упоминавших о себе!

Чтобы отвлечь людей от вполне понятных указаний Христа, Павел выдумывает ритуалы, моления, основывает религиозные верования. Своим проповедям он придает мистическое значение.

Создавая духовенство, он посвящает в сан епископов и иных «служителей небес». Об этом читаем в его Первом послании к Тимофею (3-я глава) и к Титу (1,7).

Не приходится удивляться той молитвенной благодарности, с которой относятся наши «батюшки» к «святому апостолу Павлу».

Ω

Павел явно недолюбливал женщин, требуя от них беспрекословного подчинения своим мужьям. Ставя себя в пример, он советует мужчинам обходиться без интимного общения с женщинами, которые, по его мнению, оскверняют (пачкают) мужчину, удаляя его от спасения.

От женщины он требует покорного смирения и подчинения властелину-мужу.

«Итак, муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа. Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею...» (Первое послание к Коринфянам 11, 7 — 10)

«Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан

Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление» (Первое послание к Тимофею 2, 11 — 14).

«Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе» (Послание к Колоссянам 3, 18).

В тех же выражениях он требует повиновения рабов своим хозяевам.

«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви и Он же Спаситель тела» (Послание к Ефессянам 5, 22 — 23).

Далее мы читаем пояснение:

«Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя» (5, 28).

В этом нелегко разобраться. Тут какое-то противоречие. Дальше Павел уточняет свою мысль:

«Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится (своего) мужа» (5, 33).

Видимо, в этих рассуждениях Павел имел в виду одну лишь потребность плоти.

«Жены ваши в церквах да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих, ибо неприлично говорить в церкви» (Первое послание к Коринфянам 14, 34 — 35).

Ω

Из Посланий Павла можно заключить, что духовный мир зиждется на некой Троице, состоящей из Бога-Отца, его сына Иисуса Христа, примирившего своей кровью Творца с родом человеческим, и самого Павла, избранного Богом, дабы передать людям волю Всевышнего.

Что касается понятия о Троице, то его можно трактовать как три ступени совершенствования человека.

Прежде всего человек — выходец из мира животных, которым свойственна забота лишь о себе и своих детенышах.

Затем, развиваясь и прогрессируя, он ощущает потребность постоянно улучшать условия своего существования. Он изобретает, создает, тем самым уподобляясь творческим силам природы. Одновременно он одухотворяется.

Третья, высшая, ступень наступает, когда, отказавшись от эгоцентризма, поступая зачастую во вред себе и своим близким, пренебрегая опасностями, он устремляет свои усилия на всеобщую пользу. Таких людей, приближающихся к Творцу Вселенной, Христос называл солью земли (Матфей 5, 13).

Ω

Известный немецкий теолог Холдер Керсен пишет:

«То, что мы называем христианской верой, в действительности является искусственной доктриной, состоящей из правил и наставлений, созданных Павлом. Его учение; скорее всего, соответствует термину «павлонизм», нежели христианству».

Историк У. Нестле отмечает: «Христианство — религия, основанная Павлом; евангелие Христа заменено в ней евангелием о Христе. В этом смысле «павлонизм» — не только неправильное толкование, но и подделка подлинного учения Христа, подготовленная и распространенная Павлом»**.

Среди теологов, посвятивших свои труды изучению истории официальной церкви, уже давно стала трюизмом мысль о том, что ее центральный догмат об искуплении смертью и страданиями Иисуса зиждется на ошибочной интерпретации. «Все положительное в христианстве основано Иисусом, все же дурное исходит от Павла»***, — писал протестантский богослов Франц Овербек.

Выдуманная Павлом теория искупления возвращает нас к древнейшим примитивным семитским верованиям, согласно которым от родителей требуется кровавая жертва их первенца. Одновременно Павел открывает путь будущим учениям Церкви о превородном грехе и о Троице.

Еще в XVIII веке английский государственный деятель и философ Генри С. Джон Болингброк указывал на две отдельные религии Нового Завета: религию Иисуса и религию Павла****.

* Kersten H. Jésus a vécu en Inde. Paris, 1987, p. 80.

** Nestle W. Krisis des Christentums. Stuttgart, 1947, p. 28.

*** Overbeck F. Christentum und Kultur. Basel, 1919, p. 35.

**** Цит. по: Kersten H. Jésus a vécu en Inde, p. 33.

Кант, Лессинг, Фихте и Шеллинг также отделяли учение Иисуса от учений его «последователей». Многие современные теологи придерживаются такой же точки зрения.

А. Дейсманн назвал ревностного, нетерпимого и выделявшегося среди «апостолов» Павла классицистом нетерпимости, создавшим пропасть между верующими и неверующими*.

Дабы извлечь из основ христианства истину и глубокие познания, необходимо, отбросив явные фальсификации, считающиеся священными и неприкосновенными, вернуться к действительному учению Иисуса, источнику настоящей религии.

В заключение приведем слова немецкого богослова Карла Людвиг Гримма: «Как ни укоренились эти представления в христианском сознании, они не содержат в себе ничего общего с учением Иисуса**».

Ω

Судя по запутанным и противоречивым повествованиям «Деяний апостолов», в одно из посещений Иерусалима Павлом якобы был созван Собор, на котором христианская община признала в Павле апостола и продолжателя учения Христа. Но поскольку сам Павел не упоминает в своих Посланиях ни словом об этом, казалось бы, столь важном для него посвящении, можно с уверенностью заключить, что Иерусалимского собора вообще никогда не было. Слух, пущенный впоследствии об этом Соборе, был лишь попыткой сторонников Павла сгладить вражду между ним и последователями Христа.

В своей увлекательной книге «Сказания евангелистов» Зенон Косидовский с исключительной ясностью описывает борьбу ревнителей Павла с назаряями, обосновавшимися главным образом в Иерусалиме.

«Так, автор «Деяний Апостолов», очевидно, задался целью защитить Павла как подлинного продолжателя дела апостолов. А нуждался ли он в такой защите? Ведь к тому времени, когда писались «Деяния», с антагонистами Павла можно было и не считаться. Иерусалим превратился в груды развалин, а члены иерусалимской общины (с которыми в действительности, как показывают документы, Павел постоянно конфликтовал) частью ушли за Иордан, а частью рассеялись по городам и селениям Римской империи.

*Deissmann A. Paul. Lond, 1926.

**Kersten H. Jésus a vécu en Inde, p. 41.

Однако, несмотря на этот исторический катаклизм, постигший евреев, влияние иудео-христиан и противников Павла было еще, очевидно, достаточно сильным, коль скоро автор «Деяний апостолов» считал нужным противостоять ему. Антагонисты отвергали учение Павла, не признавали его апостолом, а чуждое иудаизму обожествление Иисуса клеймили как ересь. Согласно их ветхозаветным представлениям, Иисус, хотя и был мессией, избранником Божиим, пророком и чудотворцем, оставался все же человеком, лишенным божественной сущности.

Эти антагонизмы продолжались еще долго после смерти автора «Деяний апостолов». Это доказывает, что противники Павла не поверили рассказу о якобы состоявшемся Иерусалимском соборе. Еще в IV веке, то есть триста лет спустя, потомки иудео-христиан, так называемые «евиониты» («нищие»), яростно нападали на Павла, клеймя его как вероотступника, искажившего учение Иисуса.

В 1965 году в этой области было сделано сенсационное открытие. Профессор Иерусалимского университета Шломо Пинес заинтересовался найденным в Стамбуле огромным (в шестьсот страниц) арабским манускриптом. Это оказался тысячелетней давности полемический трактат, написанный арабским теологом по фамилии Авед Аль-Яббар. Один из фрагментов манускрипта представляет собою иудео-христианский текст, переведенный в V и VI веках с армянского диалекта, некогда распространенного в Сирии.

Профессор Пинес полагает, что авторы текста — подлинные члены общины назареев в Иерусалиме. Они рассказывают о том, как их секта делалась день ото дня все многочисленнее. И вместе с тем с горечью сообщают о раздирающих ее внутренних конфликтах.

Для нас же самое интересное то, что авторы текста пишут о Павле. Подчеркивая, что назареи оставались верными последователями закона Моисеева и почитали Иисуса не как бога, а как «мужа праведного» и пророка иудейского, они клеймят Павла как фальсификатора учения Иисуса и ренегата, перешедшего на сторону римлян*.

И еще: «Деяния апостолов» буквально нашпигованы необыкновенными происшествиями и чудесами. Павел непрерывно попадает во всевозможные переделки, следующие одна за другой в ошеломляющем темпе. На протяжении шестнадцати глав он шестнадцать раз подвергается величайшей опасности

*Косидовский З. Сказания евангелистов. М., 1977, с. 109.

и вступает с окружением в конфликты, которые своим драматизмом вызывали у древних читателей ужас и вместе с тем восхищение ловкостью их протагониста».

В своем предисловии Косидовский пишет, что, изучая историю христианства, он руководствовался исключительно тем, «что говорит о нем наука». Позволим себе заметить, что в его книге действительно приводится много интереснейших исторических наблюдений, но вместе с тем она грешит некоторой субъективностью.

Главный наш ему упрек: Косидовский упускает из виду стремление всего сотворенного на Земле к соединению воедино с творящим «Началом». Он, видимо, не придает значения этой всеобщей эволюции, являющейся основой евангельских откровений Иоанна. Вследствие этого Матфей, Марк и Лука, видевшие в Иисусе не столько «божественное», сколько «человеческое», устаиваются большего внимания автора, чем Иоанн.

Указывая, вне сомнения, на Павла, Иоанн, которого так любил Христос, пишет:

«Ибо многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: таковой человек есть обольститель и антихрист» (Иоанн, Второе послание, 7).

Антихрист — такое определение вполне соответствует Павлу, нанесшему величайший вред учению Христа.

*Косидовский З. Сказания евангелистов, с. 110.

О ЩЕДРОСТИ, ЖЕРТВЕННОСТИ И МОЛЕНИИ

Христос осуждал лицемерие молящихся и творящих милостыню напоказ:

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас... Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди... У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая... И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми... Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись... А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Матфей 6, 1—8).

Этими словами он совершенно недвусмысленно восстает против коллективного моления. Следовательно, создавая церкви, соборы и устраивая всевозможные моления, люди поступают вопреки неоспоримым указаниям Христа.

В заключении этого текста сказано:

«...ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него».

Не ясен ли смысл этих слов? Не говорят ли они о полной бесполезности какой бы то ни было молитвы? Если так, то

почему Христос не отверг раз и навсегда укоренившуюся у людей потребность лепетать лживые обращения к Всевышнему, выпрашивая у него то одно, то другое?

Молитвенное общение с Богом присуще человеку с древнейших времен. Чем меньше были ему понятны секреты Вселенной, тем больше он пытался установить связь с ее Творцом.

Осудил Христос безоговорочно смысл всякого моления, он бы восстановил против себя и своего учения всех современников. Они бы сочли, что у них отнимают не только возможность общения с Богом, но и их неприкосновенные традиции.

Верные этим традициям, ученики Христа однажды обратились к нему с просьбой научить их молиться и добавили:

«Как и Иоанн научил учеников своих» (Лука 11, 1).

Учитывая их потребность в молитве, Христос произнес известное обращение: «Отче наш...»

Его дальнейшие слова выражают уверенность в торжестве добра над злом: «Да придет царствие Твое». За ними следует прошение обогатить нас духовно («хлеб наш насущный даждь нам днесь») и избавить нас от покушений источника зла. Таково единственное указание Христа на возможность людей общаться с Творцом.

Основная же его мысль связана с тщетностью всякого молитвенного вымогательства (Матфей 6, 8).

Ничто так не укореняется в сознании людей, как привитая им с детства потребность молиться Богу. Возведя очи небу, сложив (у католиков) ладони рук, стоя по возможности на коленях, верующий воображает, что будет услышан Богом. Помолвившись, он берется за свои ежедневные занятия, не задумываясь о нуждах рода человеческого.

Ощущал ли сам Христос в какой-то мере потребность обращаться к «Отцу» в решительные минуты жизни?

Следует не забывать условия, в которых он вырос, изучая древние книги Закона и Пророков, в которых все пропитано молениями, приношениями жертв. Христос не отвергал в целом этот Закон, он лишь желал его пополнить. Так по крайней мере утверждает Матфей (5, 17 — 19).

И вот мы читаем у Матфея (26, 39) о том, как, предвидя свою трагическую кончину, Христос обращается к Создателю: «Да минует Меня чаша сия».

Можно допустить, что, приближаясь в прогрессивном развитии к источнику Жизни, передавая людям волю Всевышнего, Христос обрел такую тесную связь с «Началом» всего сущего, что его обращение к нему стало естественным.

Из сказанного можно заключить с уверенностью: Христос допускает желание людей обращаться к Всевышнему, но исключительно «мысленно» и «в самих себе», а никак не напоказ, когда духовное стремление превращается в коллективные обряды (Матфей 6, 6).

Понятно, что такие указания Христа не устраивают тех, кто, создав религию, превратили ее в доходную профессию.

Нельзя сомневаться в искренности убеждений некоторых священнослужителей. Для многих из них «служение Богу» означало нелегкую жизнь, а то и венец мученичества. Иные же принимали и принимают священный сан из чисто материальных соображений. Но в любом случае они вводят массы людей в заблуждение, удаляя их от учения Христа.

В оправдание совместной молитвы наши духовные наставники любят цитировать слова, приписанные Матфеем Христу:

«Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (18, 20).

Судя по пояснению Матфея, эти слова означают прошение у Бога. Следует, однако, заметить, что слово «собраны» несколько не означает богомолит, тем более что Христос восстает против коллективного моления.

Духовенство приучает людей обращаться к учению Христа исключительно при собственном посредничестве, в пределах церковных стен и непременно прибегая к молитвенным богослужениям.

Евангелисты, восстанавливая в своей памяти сказанное Христом, постоянно добавляли к нему сведения, почерпнутые ими из других источников, зачастую не имеющих отношения к учению Христа. Этим особенно отличался Лука. Как и Павел, он настойчиво рекомендовал побольше молиться.

«Должно всегда молиться и не унывать» — этими словами Лука начинает свою 18-ю главу. В приписанной им Христу притче говорится о безжалостном судье и о вдове, беспрестанно надоедающей ему просьбой о защите. Выведенный из терпения судья приходит к такому заключению:

«Как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне» (Лука 18, 5).

Как ни абсурдна мораль этой притчи, ее, однако, придерживаются массы усердно молящихся денно и ночью, видимо, в надежде, что Богу надоест слушать их молитвы и он, подобно судье, смилостивится, простит их грехи и удовлетворит их просьбы.

Касаясь вопроса о жертвенности, евангелист Марк (12, 41 — 43) написал о бедной женщине, пожертвовавшей свои последние гроши, в то время как богатые жертвовали лишь «от избытка своего».

Отдавать все, чем мы располагаем, жертвовать всем без расчета — максимальная щедрость, составляющая одну из основ учения Христа. Такое расположение души называется альтруизмом, то есть любовью к другим, не к себе и не к своим, а к другим.

Добровольный отказ от своего имущества — предел щедрости богатого. О тех же, чье богатство не в несгораемых шкафах, природа ждет готовности жертвовать ради общего блага всем, вплоть до собственной жизни.

Авраам — так утверждает легенда — был готов принести в жертву своего сына. Не вдаваясь в библейскую древность, избилую легендами, мы все же не можем забыть о беспредельной жертвенности тех, кто во имя оглашения истины рисковали не только собственной свободой и жизнью, но также и благополучием своей семьи, своих детей. О таких своих последователях Христос говорил, что они сотворят дела больше, чем те, что творил он сам (Иоанн 14, 12).

Такое желание помочь другим в ущерб себе и своим «практичные» люди считают беспечностью. Люди, не одаренные природой склонностью к альтруизму, презирают щедрых и нерасчетливых, советуя им «не быть дураками».

«Слаблю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Матфей 11, 25; Лука 10, 21).

Здесь говорится не о детях, а о тех, кто, подобно им, чисто и бесхитростно смотрит на жизнь.

Альтруисты же не должны надеяться на то, что им воздастся в этой или в «будущей» жизни, ибо тогда их правая рука будет отлично сознавать, что творит левая.

«Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Матфей 10, 39).

Когда ученики Иоанна Крестителя спросили Христа о пользе поста, он указал на их устарелую, глубоко внедрившуюся приверженность обычаям, традициям и отжившим правилам, казавшимся нужными Моисею, но не ему.

«Ибо Закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Иоанн 1, 17).

«И никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани... Не вливают также вина молодого в мехи ветхие... но вино молодое вливают в новые мехи» (Матфей 9, 16 — 17).

В заключение сказанного о молитве вернемся к аллегорическому значению слов: «хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Обратим внимание на тексты Матфея (7, 9) и Луки (11, 11—12):

«Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? ... тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него» (Лука 11, 11).

Так поясняет Лука слова единственной молитвы, предложенной Христом. В ней молящийся обращается к «Отцу», прося у него «животворящего» духа (духа, творящего жизнь). Иными словами, он взывает к «Отцу» с мольбой наполнить собой его сердце. Как и в других случаях, Христос пользуется словом «хлеб» иносказательно, а не в значении пищи.

«Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Иоанн 14, 23).

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

*«Увидев народ, Он взошел на гору и... отверзи уста Свои,
учил их, говоря:
Блаженны нищие духом...
Блаженны плачущие...
Блаженны кроткие...
Блаженны алчущие и жаждущие правды...
Блаженны милостивые...
Блаженны чистые сердцем...
Блаженны миротворцы...
Блаженны изгнанные за правду...
Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и
всячески неправедно злословить за Меня...
так гнали и пророков, бывших прежде вас.
Вы — соль земли...
Вы — свет мира...
Так да светит свет ваш пред людьми...» (Матфей
5, 1 — 16)*

Следует обратить внимание на возрастающее значение девяти «блаженств», перечисленных Христом. Начиная с нищих духом, плачущих и кротких, он переходит к алчущим и жаждущим правды, к милостивым и чистым сердцем. Поднимаясь духовно, они умиротворяют враждующих. Но их устремленность вызывает гнев противящихся им. Их преследуют и гонят за правду. Однако пролитый ими свет, торжествуя над мраком, делает их вождями людских масс. «Вы — соль земли, вы — свет мира!»

Эти восходящие степени духовного развития Человека соответствуют самому эволюционному процессу всего живого. Как видно, для достижения наивысших «блаженств» как отдельному человеку, так и целым народам надлежит пройти через унижения и страдания в поисках верного пути. По мере того как кроткие и угнетенные, прогрессируя, осознают значение своего образа жизни, их сомнения и горести перерождаются в уверенность в себе и в радостный оптимизм.

Христос призывает к себе смиренных и обездоленных, не стремящихся к превосходству над другими.

Те же, кто «преуспевают в жизни», считают, что скромность и смирение не приводят к успеху.

У американцев есть ходкое выражение: «to be smart». Быть «smart» означает никогда не давать наступать себе на ногу, уметь использовать любую возможность, действовать и говорить с апломбом, пуская пыль в глаза. И все это с целью возвыситься над окружающими, не обращая внимания на их неудачи. Такие люди относятся с презрением к скромным и услужливым, считая их слабыми, годящимися только для использования преуспевающими.

В большинстве стран скромность не в почете, там властвуют заносчивость и наглая самоуверенность.

«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Матфей 11, 28 — 30).

Христос служит примером всем тем, кто, желая следовать за ним, перевоплощаются из кротких и смиренных в могущественных пророков.

Мы видим Христа то кротким и смиренным, то уверенным в своем превосходстве — в зависимости от того, обращается ли он к доверчивому люду или к фарисеям, исполненным фальши и хитрости, всячески пытавшимся спровоцировать его на противозаконные заявления.

В 23-й главе Евангелия от Матфея мы читаем о том, с какой яростью Христос уличает подлых фарисеев и священнослужителей в лицемерии и обмане. Так же трудно видеть в Христе смирение и уступчивость, когда он, вооружившись бичом, изгоняет торгующих из храма, переворачивая их лотки.

«И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, так-

же и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» (Иоанн 2, 15).

Неоднократно цитируя Исаию, Христос прочел жителям Назарета сказанное пророком (61, 1 — 2):

«Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня... проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Лука 4, 18 — 19).

Франсуа Мориак метко суммирует эти мысли:

«Не для того явился Христос, чтобы не тревожились и мушье, и не с тем, чтобы помочь им держаться в смирении немощных».

Утверждать справедливость на Земле — дело новаторов. Те, кто им противится, знают, что — справедливо и что — нет. Но они предпочитают над этим не задумываться, понимая, что если справедливость восторжествует, то, по словам величайшего новатора Христа, «будут последние первыми, и первые последними» (Матфей 20, 16).

В Израиле за столетия до Христа не раз восставали пламенные проповедники, призывая соотечественников жить без обмана. Предвидя, к чему приведет израильян их безнравственная жизнь, они предсказывали беды, ожидавшие их народ. То были подвижники-революционеры, добровольно шедшие на преследование и муки.

«Говори нам слова приятные ушам нашим, иначе мы побьем тебя камнями», — кричали пророку иудеи.

Своим братьям (по плоти) Христос говорил:

«Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Иоанн 7, 7).

Христа возмущало лицемерие людей, которые чтили память погибших новаторов-пророков, но не хотели признавать своих современников, боровшихся с несправедливостью. По этому поводу мы читаем у Матфея:

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков» (23, 29 — 30).

«Блаженны миротворцы», — говорил Христос.

Мира как будто желают все. Однако многие возразят, что он невозможен, когда, например, встает вопрос о чести. Правда, в наше время международные столкновения вызываются чаще всего соображениями экономическими.

В основу военного воспитания положен культ чести — чести полка, чести оружия, мундира, флага, чести своей страны. И как часто еще дает о себе знать задетое чувство «собственного достоинства», мелочное самолюбие, заменившее романтическое чувство оскорбленной чести!

А само слово «самолюбие», то есть любовь к самому себе, не противно ли оно понятию о любви к «другому»?

Отсутствие самолюбия ведет к уступчивости, миролюбию, а следовательно, и к ощущению спокойствия, мира. Итак, блаженны миротворцы.

История часто умалчивает о том, как на протяжении веков христианство, особенно католическое, влияло на нарушение мира между народами. Слово подтверждая слова Христа о волках в овечьих шкурах, священнослужители, и не только католические, пытаются выглядеть миротворцами.

Следует напомнить о том, как в 1918 году делегация Ватикана не была допущена к участию в Версальском договоре на том основании, что ее дипломатия открыто обвинялась в провоцировании первой мировой войны.

По окончании же второй мировой войны влияние Ватикана настолько возросло, что отстранить его представителей от заседаний Нюрнбергского суда оказалось невозможным. Благодаря их настойчивому вмешательству преступник фон Папен не только избежал заслуженной виселицы, но был оправдан. Общество было возмущено этим оправданием — тем самым высказывалось осуждение и папы Пия XII, вставшего на защиту своего верного сотрудника фон Папена.

Мало кому известно, что своим избранием в канцлеры Рейха Гитлер главным образом обязан массовой поддержке немецких католиков. По распоряжению Ватикана во всех костелах Германии восхвалялись достоинства национал-социализма и его лидера, кандидата на выборах, Гитлера. Это произошло после успешных переговоров заместителя папского престола в Берлине кардинала Пачелли, ставшего в 1939 году папой Пием XII, с главой католической партии, ближайшим сподвижником Гитлера и обладателем звания «секретный камергер папы» Францем фон Папеном.

Еще не столь давние трагические события всячески затушевываются усилиями католической Церкви. Их не вредно освежить в памяти читателей.

С начала нынешнего века Ватикан беспрестанно пытался создать в центре Европы могущественное, подвластное ему государство — Германию. Так, еще до выборов 1933 года с активной помощью Папена кардиналу Пачелли удалось заручиться обещанием Адольфа Гитлера придерживаться политики Ватикана. Гитлер сдержал свое обещание, и после захвата его армией Австрии, Чехословакии, Румынии и Югославии правительства этих государств возглавлялись кардиналами и епископами.

Главным помощником Гитлера в присоединении Австрии был кардинал Инницер. 12 марта 1938 года гитлеровские войска, не встретив сопротивления, перешли границу Австрии. Три дня спустя австрийский кардинал Инницер публично заявил: «Священнослужители и верующие должны безоговорочно поддерживать Великую Германию и ее фюрера в их борьбе за власть, честь и процветание Германии, что отвечает желанию Провидения»*.

Диктатором Чехословакии оказался германofil кардинал Тизо. Вот что пишет о нем лорд Рассел: «В 1941 году первая партия евреев, отправленных в лагерь смерти Аушвиц по распоряжению кардинала Тизо, прибыла из Словакии и Верхней Силезии. Ссылные, не способные работать, были отправлены в газовые печи»**.

Одновременно, стремясь создать численный перевес католиков в своей стране, Тизо уничтожал протестантов, ссылая их в концлагеря.

Югославией руководили двое: епископ Степинак и президент Антэ Павелич.

При полной поддержке и с благословения Рима Павелич с четырьмя тысячами своих палачей, называемых усташами, повел небывалое по своей зверской жестокости уничтожение сотен тысяч православных сербов, отказывавшихся даже под угрозой смерти перейти в католичество.

В книге Эдмонда Париса «Ватикан против Европы» приводятся неоспоримые свидетельства того, как усташи резали сербов ножами и рубили топорами или, связав руки, толкали в вырытые ими же рвы и живыми засыпали землей.

*Paris E. Le Vatican contre l'Europe. Paris, 1959, p. 158.

**Ibid., p. 171.

Обращаясь с речью к своим войскам, Павелич заявил: «Тот не годится в усташи, кто не может вырвать с помощью ножа ребенка из чрева матери»*.

Отлично осведомленный о работе Павелича, Пий XII не гнушался принимать его с особой торжественностью во дворце Ватикана.

После победы над гитлеровской Германией чехи судили кардинала Тизо, и он был повешен. Степинак же, тоже осужденный, долгие годы просидел в тюрьме в Югославии. Это не помешало Пию XII цинично посвятить его в сан кардинала.

Фон Папена, которого Ватикан, спасая от виселицы и видимости ради, лишил звания «секретного камергера папы», тот же Пий XII восстановил в этом почетном звании по случаю его восьмидесятилетия.

Французский писатель Фредерик Хоффет так писал о Ватикане: «Дипломатия Ватикана — безукоризненное выражение политики в ее безупречно чистом виде, то есть политики, лишенной какого-либо идеала и малейшей сентиментальности»**.

Кончилась война, на руинах началась строиться объединенная Европа. Основывалась она уже не на Версальском, а... на «Римском договоре», и ее первоначальными строителями были достойнейшие католики: президент Франции де Голль и канцлер Германии Аденауэр, обладавший знакомым званием «секретного камергера папы».

Совсем недавно был обнаружен француз Поль Тувье, приговоренный после войны к смертной казни за массовые ссылки евреев в рейх. Все прошедшие десятилетия он прятался от закона в разных монастырях Франции.

Главное внимание Ватикана обращено в наши дни на Россию. Огромные усилия прилагаются Орденом иезуитов на переманивание православных в католическую веру.

До последнего времени центром их пропаганды в этом плане была Хорватия. Видно, нашлись среди католического населения этой страны если не усташи, то все же специалисты по внедрению католицизма.

*Paris E. Le Vatican contre l'Europe, p. 181.

**Ibid., p. 182.

«Враги человеку — домашние его».
(Матфей 10, 36)

ОБ УЗАХ КРОВИ

Противящиеся учению Христа постоянно пытались уличить его в открытом противоречии их Закону. Так, Матфей (22, 35), Марк (12, 28) и Лука (10, 25) пишут о том, как слушавший Христа «законник» спросил его:

«Учитель! что́ мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: в законе что́ написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» (Лука 10, 25 — 27).

Христос отвечает притчей о добром самарянине (Лука 10, 30), в которой «ближним» израненному разбойниками оказался не священник, прошедший мимо, и не соотечественник левит, а иностранец, презираемый иудеями самарянин.

«Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» (Лука 10, 36)

Этим вопросом Христос заключает свою ненуждающуюся в пояснениях притчу.

В этой притче говорится лишь о любви к ближнему. Христос никак не касается слов Закона о страстной любви к Богу. О такой любви он вообще ничего не говорил. Оно и понятно, ибо трудно вообразить, как это можно любить Бога, не зная о нем решительно ничего. Существование такой высшей силы можно лишь предполагать. Но любить, да еще всем умом и сердцем, невозможно.

Христос утверждал, что служить Богу можно, лишь служа людям, которых следует любить.

Также и «страх Бога» следует отнести к пережиткам дохристианских верований. Пророки древности постоянно запугивали людей гневом Всевышнего, уподобляя его беспощадным властителям.

Только любовь к ближнему способна привести людей к единению. Главное же препятствие к такой универсальной любви Христос видел в преувеличенной привязанности людей к «своим» — к своей семье, своему народу, своей родине.

Стоит обратить особое внимание на то, как Христос относится к семейным узам.

1. «Кто мать Моя, и кто братья Мои?»

Так спрашивал Христос (Матфей 12, 48; Марк 3, 33).

И отвечая на свой же вопрос, он указывает на единственную по своей важности близость людей — и она никак не зависит от их родства.

«И указав рукою Своей на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» (Матфей 12, 49—50).

Такие речи по отношению к своей матери и братьям должны были казаться крайне непочтительными. В них звучала досада Христа, не понятого своими родными.

Но таков, видимо, закон природы: с близкими нам по плоти связаны заботы, нашей плоти и все материальное, что отвлекает от духовного развития. Когда же нам удастся вырваться из такой семейной зависимости, то те, которых мы зовем своими близкими, ополчаются на нас.

2. «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» (Лука 11, 27)

Как характерно это восклицание и с какой силой оно выражает ощущения женщины! В нем слышится одна лишь всевластная и примитивная материнская плоть.

Устами Христа говорит его дух, в то время как эта женщина выражает лишь свою биологическую натуру. Для Христа «чрево, его носившее», не имело никакого особого значения. Миллиарды матерей так же вынашивают своих детей. Возражая, он повторяет сказанное им о том, кто ему мать и братья и сестры.

Любуясь полетом великолепного орла, никто не думает о скорлупе, из которой он вылупился, — она свою биологиче-

скую роль уже сыграла. Так и Иисус, судя по его репликам, родившись, выросши и став руководителем рода человеческого, утратил всякую духовную связь со своей матерью.

На свадебном пиру он говорит ей: *«Женщина, что общего между мною и тобой?»* Таков смысл обращения Христа, по-разному выраженного в разных изданиях Библии.

И вот мы видим Марию в слезах у креста, на котором умирает ее распятый сын. Ее отчаянию нет предела. Ее худшие опасения сбылись. Даже если бы она могла осознать все величайшее значение случившегося, даже если бы она могла понять, что эта добровольная смерть изменит взаимоотношения людей мира, то вряд ли и это могло облегчить ее горе.

Видя ее отчаяние, страдающий на кресте Христос обращается к ней со словами утешения и указывает на стоящего рядом Иоанна:

«Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Иоанн 19, 26—27).

Возможно, что, поручая свою мать Иоанну, Христос знал, что никто лучше его не сможет хоть сколько-нибудь утешить ее безумное горе, а в будущем объяснить ей смысл всего происшедшего.

Так представляется нам участь этой несчастной женщины. Участь, которую разделяют матери тех, кто жертвует своим благополучием во имя всеобщего блага.

3. *«Ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя»* (Марк 3, 21; Иоанн 10, 20).

В иных изданиях Библии сказано: *«Он лишен разума»* и *«Он сошел с ума»*.

Вне сомнения, служители синагоги Назарета советовали родне Иисуса прибегнуть к этой мере, лишить его, хотя бы временно, свободы, дабы он одумался. Но, читаем мы, как ни пытались схватить его, это не удавалось: он проходил среди них и удалялся, ибо время его еще не настало.

Родственники Христа, не пытаясь вникнуть в его учение, опасались его, ибо своей постоянной критикой Закона и Пророков, уже не говоря о священнослужителях, Христос мог навлечь и на них самих гнев духовенства и властей.

«Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Иоанн 7, 7).

Восстающий против общепринятых правил религии не находит понимания у своих близких, нарушая их душевное спокойствие. Бывает нередко, что родственники лишают его свободы, выдавая за сумасшедшего.

«Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги» (Иоанн 9, 22).

«Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради его многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса» (Иоанн 12, 10—11).

Можно вообразить, как родня Христа сожалела, что их брат и сын не сделался священнослужителем. С его знанием Писания и даром речи он бы, вне всякого сомнения, выдвинулся среди первосвященников! Вместо этого он беспощадно обвинял этих служителей культа в подлом лицемерии и обмане народа.

«Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну? Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле» (Матфей 23, 33).

4. *«И пришел в отечество Свое, учил их в синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотников ли Он сын? не Его ли мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосиф, и Симон, и Иуда? И сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него все это? И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем. И не свершил там многих чудес по неверию их»* (Матфей 13, 54—58).

В иных изданиях Библии говорится не *«соблазнялись»*, а *«возмущались сказанным им»*.

Евангелист Марк пишет:

«Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем» (6, 4).

Когда человек, одаренный природой, возвышается среди своих близких, открывая им доселе неведомое и расходящееся

с их верованиями, они чаще всего возгораются к нему злобой и ревнивой завистью. Эти чувства парализуют их способность разобрататься в новых понятиях. Ревность «созданий» не позволяет понять и приблизиться к тому, кто устремлен к «Создателю».

Ω

Защитники религии обычно задают такой вопрос: «Разве распространение христианства не повлекло за собой расцвета искусства, в частности — живописи?»

Следует заметить, что изобразительное искусство процветало независимо от христианства, задолго до его появления и в странах, где о нем никто не слышал.

Во время владычества христианства над странами Европы можно наблюдать три главных заказа, «воодушевлявших» художников.

Первый: мертвый Христос, пригвожденный к кресту; вариант: снятие с креста его мертвого тела.

Такая картина служит наглядным и поучительным предупреждением всем тем, кто пытается выходить за пределы, установленные религией.

Второй: ребенок Иисус на руках своей матери. Или: ангел господень, оповещающий Марию.

Все это не имеет связи с учением Христа.

Третий: «святое семейство» — новорожденный Иисус в яслях, его «девственная» мать, удовлетворенный объяснениями ангела Иосиф и вокруг них симпатичные животные.

По крайней мере в яслях Христос еще не говорил:

«Враги человеку — домашние его» (Матфей 10, 36),

а также:

«Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда: а Сын Человеческий не имеет где преклонить голову» (Матфей 8, 20).

Видимо, дом его родителей был для него закрыт.

Как жаль, что наши святые отцы, настоятели монастырей и разные архиепископы не додумались заказывать художникам картину, изображающую изгнание Христа из родного дома, с разгневанным папашей Иосифом, указывающим ему на пыльную дорогу, и с братьями, ненавидевшими его, злорадно ухмыляющимися ему вслед.

5. *«Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца мое-*

го. Но Иисус сказал ему: иди за Мной и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Матфей 8, 21; Лука 9, 60).

Таким резким ответом Христос восстает против традиционных ритуалов и установленных религиозных церемоний и одновременно пользуется аллегорией о мертвых и живых. Мертвыми он называет всех тех, кто, отрицая его заветы, остаются безразличными к бедам ближних, но в то же время свято чтут свои традиции. Его слова подчеркивают, как мало значения он придавал семейным узам.

С такой же ненавистью к религиозным обрядам за столетия до Христа относился его главный предшественник — пророк Исаия. От имени Всевышнего он так обращался к детям Израиля:

«К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота; и крови тельцев, и агнцев, и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, — кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных; курение отвратительно для Меня; новомесячий и субботы, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавижит душа Моя; они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы стираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови...» (1, 11 — 15)

Лука приводит слова Христа:

«Еще другой сказал ему: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими. Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (9, 61 — 62).

В устах Христа Царствие Божие означает счастливую жизнь будущих поколений, основанную на взаимной братской любви.

6. *«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Матфей 10, 37).*

«Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери своей, и жены и детей, и братьев

и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лука 14, 26 — 27).

Без сомнения, глагол «ненавидеть» появился из-за неправильного перевода. Ибо Христос не допускал чувства ненависти даже по отношению к врагам (Матфей 5, 44). Его слова означают, что наша привязанность к «своим» должна быть умеренной. Следует не ненавидеть семью, а не создавать из нее кумира.

Сколько «добрых и любящих» родителей готовы урвать что угодно у окружающих ради своих детей! В этом проявляется их атавистическая привязанность к миру животных. Однако, прогрессируя, человек становится все более чутким к нуждам других, зачастую совершенно чужих ему людей.

Как культ своей семьи, так и истерическое превозношение своей страны не подобают человеку, летающему в космос. И даже — летающему из одной страны в другую. Кругозор «своей колокольни», как говорят французы, пригоден разве для старинных романов. Люди все больше осознают, что само продолжение их существования зависит от их растущей солидарности и сближения. Для такого сближения, предшествующего слиянию «воедино», необходимо благорасположение к «иным», которое требует одновременного ослабления привязанности к «своим». Это то, чему так настойчиво учил Христос.

Служение всем людям, невзирая ни на какие расхождения, и есть служение единственному божеству, достойному Человека будущего.

Однако, каково бы ни было наше влечение к такому всемирному служению, оно не должно препятствовать оказанию помощи всякому в ней нуждающемуся. Таково одно из значений притчи о сердобольном самарянине.

Нередко приходится слышать высказывание о преимуществе индивидуализма перед коллективизмом. Некоторые даже цинично говорят о превосходстве эгоизма над альтруизмом.

Доктор философии Айн Ранд известна в университетах Америки своими лекциями об ошибочности альтруизма. Согласно ее теории, только эгоистические стремления людей способны привести к полному материальному успеху. Христианский же альтруизм ведет к социализму, а тот, в свою очередь, — к коммунизму.

На платье этой дамы красуется массивная золотая брошь, изображающая символ американского доллара — \$. Это откоро-

венно демонстрирует ее кредо: эгоизм вместо альтруизма и любовь к наживе вместо любви к ближнему.

Ее теорию можно изобразить уравнением:

эгоизм = капитализму,

альтруизм = коммунизму.

Причем Айн Ранд подчеркнуто указывает на коммунизм Христа, а не Маркса или его последователей.

О невозможности одновременного служения и Богу и маммоне (то есть богатству) совершенно ясно высказался Христос (Матфей 6, 24).

Итак, Христос говорил:

«И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер... ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Матфей 19, 29).

Выражение «ради имени моего» означает: «ради всего того, чему я учил», «что я воплощал собой».

Все те, кто способны, пересилив привязанность к семье, посвятить себя служению всем людям, найдут благодаря общей устремленности множество братьев и сестер по духу. Теряя привязанность к «своим», мы приобретаем любовь и поддержку даже тех, кого и в глаза не видели.

Любовь к ближнему означает готовность быть ему полезным.

«Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матфей 20, 28).

«Отдать душу свою» — отдать свое сердце служению другим.

Возможно, что по мере многочисленных переводов слово «спасение» или «прозрение» было заменено выдуманным Павлом «искуплением».

«И всякий, кто оставит дома...».

На основании этих слов Христа многие покидают свои семьи, уходят в монашество и воображают, что они могут быть полезны людям, твердя заученные молитвы во спасение душ грешников.

По этому поводу Тейяр де Шарден сказал:

«Надо не бежать от жизни, а прожить, возвышая ее».

Многие, покинув свою семью, посвящают себя служению обездоленным. Такое стремление безусловно соответствует уче-

нию Христа. Однако непонятно, почему эти благонамеренные люди должны, вступая «в религию», подчиняться всевозможным абсурдным ритуалам и лишать себя нормальной жизни?

Ни у одного из четырех евангелистов не сказано о требовании Христа отделяться из человеческой общины для «служения Богу». Его учение обращено ко всем, среди них и должно быть «много званых, а мало избранных» (Матфей 22, 14). Ибо не всем в одинаковой мере дано распространять свет, принесенный в мир Христом, но, повторяем, для этого совершенно не нужно становиться профессиональным служителем небес.

О них Христос говорит так:

«На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плеча людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!» А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» (Матфей 23, 2 — 9).

Христос так взывает к «Отцу» о тех, которые последуют ему:

«Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Иоанн 17, 15).

Отвечая на вопрос, надо ли платить подати, Христос велел «отдавать кесарево кесарю» (Матфей 22, 21). Так же и всем нам следует отдавать должное тому, чего ожидает от нас природа. Но эти естественные заботы не должны препятствовать нашему участию в борьбе добра со злом.

В уютно-эгоистическом семейном гнезде Христос видел главное препятствие служению всем людям.

«И враги человеку — домашние его» (Матфей 10, 36).

Матфей пишет, что, умирая на кресте, Христос воскликнул:

«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (27, 46).

Разделяя со своими учениками последнюю трапезу, Христос посвящал их в тайну своей добровольной смерти, благодаря которой великий дух, возвысившийся в нем, должен передаться его последователям.

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн 12, 24).

«Боже Мой, Боже Мой!..»

Какие мысли, какие переживания пронзили сердце измученного и умирающего на кресте Иисуса Христа?! Возможно ли, что, пожертвовав собой ради спасения многих от бесцельной, а то и вредной жизни, он почувствовал исчезновение привычной ему всемогущей власти над всем живым?

«...Для чего Ты Меня оставил?!»

Осознал ли он, что эта сила покидала его, дабы по его же желанию распространиться среди миллионов людей, которым будет дано воспринять его учение и ему последовать?

Христос учил любить или по меньшей мере — относиться терпеливо и благосклонно к тем, кого мы не считаем своими друзьями. «Подставлять другую щеку» и так далее...

«Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Матфей 5, 46 — 47)

7. *«Тогда братья Его сказали Ему: выйди отсюда и пойди в Иудею, чтоб и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь; ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным... Ибо и братья Его не веровали в Него» (Иоанн 7, 3 — 5).*

Таковыми речами Иаков, Иосий, Симон и Иуда пытались спровоцировать своего старшего брата, зная, что в Иудее Иисус подвергался опасности.

«На это Иисус сказал им: Мое время еще не настало, а для вас всегда время; вас мир не может ненави-

дет, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы; вы пойдите на праздник сей, а Я еще не пойду на сей праздник, потому что Мое время еще не исполнилось. Сие сказав им, остался в Галилее. Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел на праздник, не явно, а как бы тайно. Иудеи же искали Его на празднике и говорили: где Он? И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр, а другие говорили: нет, но обольщает народ. Впрочем никто не говорил о Нем явно, боясь Иудеев» (Иоанн 7, 6 — 13).

Весь этот текст как бы зашифрован. В нем Иоанн пророчествует, говоря уже не о ненавидевших Христа братьях, а о тех его подлинных братьях, которые много веков спустя придут на его «праздник» распространять среди народов Земли свободу, равенство и братство.

Тогда Истина и Справедливость восторжествуют над «князем мира сего» и над его армией фальсификаторов и обманщиков.

«Уже немного Мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Иоанн 14, 30).

На лживые и завистливые обвинения своих братьев Христос не считал нужным отвечать. Зато когда его, арестованного, привели к первосвященнику, он заявил:

«Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им» (Иоанн 18, 20 — 21).

8. *«Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух, и двое против трех; отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери...» (Лука 12, 52 — 53)*

«Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Матфей 10, 21 — 22).

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги чело-

веку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Матфей 10, 34 — 38).

Так Христос предупреждает идущих за ним, которых он посылает в мир «как агнцев среди волков». Он знал, что, когда, подобно резкому свету, пролитому во тьме, его мировоззрение поразит свыкшихся с обманом людей, то сила его учения вызовет столкновения, революции и войны не только между странами, но и в семейной среде: «брат восстанет на брата».

Эти грозные пророчества Христа сбываются на наших глазах. Там, где люди провозглашают свободу и братство, возвышаются виселицы и появляются застенки. Дети доносят на своих родителей, обрекая их на гибель. Братья (и не только по плоти) в исступлении губят своих же единомышленников...

Так распространение заветов Христа влечет за собой разрыв многовековой связи среди «своих».

Весьма возможно, что преданность евангелистов Христу сдерживала их в описании враждебных отношений в семье их учителя.

Помимо сказанного в Евангелии можно прочесть в «Деяниях Апостолов», приписанных Луке, эту удивительную фразу:

«Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариею, Материю Иисуса, и с братьями Его» (1, 14).

В главе о Павле было отмечено, что «Деяния Апостолов» мало достойны нашего внимания. Они лишь указывают на восприимчивость современников автора этих «Деяний» ко всяким явным небылицам.

Можно допустить, что поначалу Мария не разделяла всеобщего осуждения ее первенца Иисуса. Когда же он все более открыто стал не только выступать против священнослужителей, обличая их во лжи и лицемерии, но также и критиковать кое-что из сказанного в их священных книгах, подвергая этим опасности саму свою жизнь, то привязанность Марии к Иисусу превратилась в растущее осуждение.

То иносказательно, то открыто Христос предсказывал трагедию своей кончины. Когда же она увидела, что ни ее увещевания, ни отчаянная материнская любовь не в силах хоть сколько-нибудь изменить его намерения, ее чувство гордости своим сыном перерождается в ненависть не к нему лично, но к его стремлениям, к его Слову.

«Чрево, его носившее, и сосцы, его питавшие», возмущаются столь неслыханным восстанием против установленных обычаев и традиций. Окружающие указывают на безумие речей и поступков Иисуса, и она волей-неволей соглашается с ними.

Иосиф (если он был еще жив) и его сыновья, люди практичные и осторожные, стремятся всячески отмежеваться от того, кого «мир ненавидит», несмотря на то, что многие начинают видеть в нем пророка.

Ω

Вместо того чтобы приблизить Человека к Совершенству, наше духовенство сводит силу, создавшую Вселенную, к подобию уютного семейного круга: Бог-отец, Сын божий, божья Мать!

А между тем с каким умилением верующие, особенно католики, восторгаются ребеночком Иисусом либо в яслях, либо у груди своей «девственной» матери!

Творец же мира изображается монархом, сидящим на троне, со свитой своих приближенных: святых, пресвятых, равноапостольных... Недаром же зовут его Господом. Англичане говорят «Our Lord», а французы — «Notre Seigneur».

О РАСКАЯНИИ И О ПРОЩЕНИИ ГРЕХОВ

«И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матфей 6, 12).

Дальше Матфей поясняет:

«Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (6, 14 — 15).

Что может быть яснее? Нельзя, заверяет Христос, затаив злобу, гневаться на обидевшего нас. Надо тут же, не поддаваясь чувству обиды, прощать нанесшего нам оскорбление или причинившего ущерб.

В Иудее был обычай прощать до седьмого раза. Когда об этом спросили Христа, он ответил:

«Не говорю тебе «до семи», но до седмижды семидесяти раз» (Матфей 18, 22).

Всем известно душевное облегчение, когда, «сменив гнев на милость», мы перестаем питать злобу к тому, кто нас обидел. Мы ему прощаем.

Такому прощению обычно способствует раскаяние обидчика, его просьба не сердиться. Чистосердечное признание своей вины перед пострадавшим не что иное, как исповедь. Одно сердце, открывшись другому, идет ему навстречу, и обида или злодеяние, подобно не попавшему в цель снаряду, пропадает

зря. Исчезает из жизни людей. Вырывается с корнем и выбрасывается вон. Его больше нет. Благодаря этому добро торжествует над злом, содействуя прогрессу Жизни.

«...как и мы прощаем должникам нашим».

Просто и понятно. Однако прощать своему должнику может один лишь заимодавец. Третье же лицо, скажем священник, прощать чужих долгов никакого права не имеет и никем на то не уполномочено.

«А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду».

Так сказано во всех Библиях мира, за исключением нашей, православной, где добавлено слово «напрасно» — «гневающийся напрасно» (Матфей 5, 22). Одно это слово уничтожает весь смысл требования Христа, ибо всякий гневающийся уверен, что гневается он не напрасно. В этом подкинутом словечке и во многих подобных ему, встречающихся в Писании, видна вся подлость фальсификаторов, последователей Павла.

Дарованную всем людям возможность прощать причиненное им зло профессиональные прощальники превратили в некий религиозный ритуал-исповедь, при котором человек кается не перед тем, кому он нанес ущерб, а перед одним лишь священнослужителем.

Никаких книг не хватило бы, чтобы описать, как служители божьих церквей в католических странах с помощью исповеди грабили доверчивых прихожан, особенно тех, кто находился на смертном одре. Шантаж всегда один и тот же: либо признавшийся в грехах жертвует все, что у него есть, на Церковь и получает прощение, либо он не может рассчитывать на загробное блаженство, ибо там его ждет «плач и скрежет зубовой».

Обращаясь к своим ученикам, Христос говорил, что все, что ими будет прощено на земле, так же простится на небесах. Принимая эти слова на свой счет, духовенство и придумало исповедь. Христос же имел в виду не только своих двенадцать учеников, но и всех людей Земли.

Душа прощенного обновляется, обретая свою потерянную незапятнанность, когда обиженный им перестает на него гневаться.

Считая, что один лишь Бог вправе прощать грехи, иудеи находили слова Христа богохульственными.

«Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — тогда говорит

расслабленному: встань... Народ же, увидев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человеку» (Матфей 9, 6 — 8).

«Око за око и зуб за зуб» — так в древности учил Моисей, допуская месть в такой ограниченной мере.

Христос же, отменяя эту отжившую заповедь, заменяет ее прощением. От людей будущего он ожидает не только любви к своим ближним, но и благорасположения к ненавидящим их (Матфей 5, 44).

Так радикально сменялся Моисеев завет новаторством Христа. Месть заменялась «подставлением другой щеки» (Матфей 5, 39).

Как, однако, трудно нам, даже в наше время, допустить и применить в жизни такой принцип! Желание постоять за себя так укоренилось в нашем сознании, что потребуются еще немало времени, прежде чем люди воспримут основное увещание Христа о любви к ненавидящим нас.

У евангелистов не сказано о том, как нам поступать, когда бьют по щеке не нас, а кого-либо другого. Защита других связана с любовью к ним. А поскольку «нет большей любви...», то защита ближнего кажется нам вполне допустимой, особенно если она не без риска для защитника.

Возможно, что теологи будущего не согласятся с таким заключением. Им будет виднее.

«А Я говорю вам: любите врагов ваших... да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матфей 5, 44 — 46).

Только так, гласит Христос, достигнет человек Совершенства.

«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

«Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла?»» (Матфей 21, 42).

Так и большинство из нас, строителей желанной будущей жизни, в наше время продолжают отвергать основу той идеальной жизни, к которой волей-неволей стремится Человек.

Нередко бывает и так, что, прощая обиду и зло, продолжая по-дружески относиться к обидевшему нас, мы раздражаем некий отрицательный дух, живущий в нашем оппоненте, и тогда он с удвоенной яростью нападает на нас. Успокаивается он лишь тогда, когда, выведя нас из себя, разозлив, разделяет с нами свою злобу. В нашей же власти, невзирая ни на что, даже и тогда не терять благорасположения.

Удаляясь от библейских размышлений, хочется вспомнить об одном из излюбленных сюжетов китайской живописи начала нашего тысячелетия. Глубокий старец в рубище, и у ног его лежит покоренный тигр — иллюстрация торжества разума и всемогущего духа над грубой силой.

В нашем веке мы были свидетелями, как Махатма Ганди освободил свою страну, проповедуя и применяя непротивление злу.

Евангелисты Матфей (18, 13) и Лука (15, 7) пишут о том, что больше радости на небесах от одного кающегося грешника, нежели от девяноста девяти праведников, не нуждающихся в раскаянии.

Мы называем революцией тот момент в жизни народа, когда в жажде справедливости он сменяет власть, основанную на обмане и насилии.

В такой момент Руже де Лиль сочинил «Марсельезу», а дворяне и духовенство в ночь на 4 августа 1789 года отказались от своих привилегий — тогда Франция достигла апогея своего духовного и морального развития.*

Христос сравнивал сердце человека с душой целого города или народа, называя его жилищем, храмом. В его планетарном представлении человек — лишь ступень, ведущая к универсальному слиянию всех людей воедино.

«Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покались. Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покались; но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба

*Справедливости ради следует заметить, что отказ от привилегий был вызван не столько сердечной щедростью и раскаянием знати и духовенства, сколько давлением народа.

вознесшийся, до ада низвергнешься; ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Матфей 11, 20 — 24).

«Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Матфей 12, 25).

Ω

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно» (Матфей 13, 20 — 22).

Подлинные «обновители» рода человеческого не берут в путь «ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои» (Матфей 10, 9). Также не стремятся они возбуждать восстания. Сами того не подозревая, они идут по стопам Христа. Те же, которые не склонны подставлять другую щеку, напоминают собой пылких братьев Иакова и Иоанна, спросивших Христа, не призвать ли огонь с небес и не истребить ли жителей селения, не пустивших их к себе. «Не знаете, какого вы духа», — ответил им противник всякого насилия Христос (Лука 9, 55).

Так каждый из нас воспринимает и воспитывает в себе тот или иной дух. Возможно, что у профессора Айн Ранд, открыто проповедующей незамаскированный эгоизм, немало сторонников. Но ведь много же и тех, кто предпочитают давать, а не брать.

Из постоянного сопротивления одних другим выковывается мир, основанный на добрых отношениях людей Земли, осознавших, что все они — братья.

О ТРЕХ АПОСТОЛАХ: ПЕТРЕ, ИОАННЕ И ИУДЕ

«Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах...» (Матфей 16, 18 — 19)

Это торжественное обращение к Симону, которого Христос прозвал Петром, то есть «камнем», служит основой римской католической Церкви.

Католикам, должно быть, досадно, что столь важное поручение Христа, переданное людям Матфеем, не повторено ни у одного из остальных евангелистов.

Иоанн, заканчивая свое повествование, пишет, как Христос трижды обращается к Петру, допытывая его: «Любишь ли ты Меня?» — и добавляет: «Паси овец Моих». Петр, «опечалившись» таким настойчивым недоверием, повторяет, что любит (21, 17). Однако нет у Иоанна (как это было у Матфея) слов о камне, на котором создается Церковь, и о ключах царства небесного, вручаемых Петру.

Католики утверждают, что Петр, ставший по преданию епископом Рима, передал свой престол выборному наследнику, называемому папой. В своем папе католики видят (или делают вид, что видят) заместника на Земле не только Петра, но и самого Христа.

Однако как же это произошло? Чем руководствовался Христос, произнося слова, приводимые Матфеем, если допустить, что он их произнес? Ведь благодаря этим словам Петр становится наследником Христа и главой всего христианства!

Такой выбор удивил не только самого Петра, он удивляет и нас, настолько роль руководителя и тем более основателя чего

бы то ни было мало подходила несерьезному и слабохарактерному Петру.

Стоит вспомнить, что пишут о нем евангелисты. Одновременно с пылкими проявлениями любви к своему учителю Петр постоянно задавал ему бессмысленные вопросы и подавал столь же ненужные советы. Рассердившись, Христос гонит его прочь, обозвав сатаной, или говорит, что будет молить Бога, чтобы он изгнал сатану из сердца Петра (Матфей 16, 23).

Когда же Петр клянется в готовности умереть за своего учителя, Христос предсказывает, что тот трижды от него отречется, прежде чем пропоет петух.

Христос не случайно прозвал Симона Петром, то есть «камнем». В своих аллегориях он неоднократно и по-разному пользуется словом «камень», иногда обозначая им фундамент, на котором строится дом, а иногда противопоставляя бездушный камень животворящему духу.

«Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус... Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? ты иди за Мною» (Иоанн 21, 20 — 22).

Сколько скрытого значения в этих словах! Не значат ли они, что для будущего правильного восприятия учения Христа, для его «второго пришествия» людям предстояло еще долго созреть? Не считал ли он, что расцвет его учения потребует веков исканий и всевозможных заблуждений? «Пока прииду»...

И все же, расставаясь со своими учениками, посылая их как овец среди волков, он поручает их наиболее практичному среди них Петру.

Надо думать, что, невзирая на всю неустойчивость Петра, Христос видел в нем человека, способного хоть как-то организовать существование преданных ему восторженных идеалистов и уберечь их от ожидающих опасностей. Под осторожным руководством Петра ученики Христа могли распространить хоть какие-то основы его учения. Сознавая, что «время его еще не настало», Христос не мог рассчитывать на понимание в ближайшее время. Мышление людей было не готово для восприятия его идей, оно должно было еще созреть, а на это требовались века.

Ему было также ясно, что, когда настанет время и «созреет его жатва», то один лишь Иоанн будет способен передать и разъяснить людям весь подлинный смысл сказанного им.

Таково значение его слов:

«Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? ты иди за Мною».

Возможно, что он не мог и вообразить степень извращения, которому подвергнется его учение в ожидании «пришествия» Иоанна...

Если же допустить, что слова, приведенные Матфеем, о поручении Петру послужить основой Церкви были действительно произнесены Христом, то хочется задать вопрос: не имел ли Христос в виду не Симона-Петра, безграмотного рыбака моря Галилейского, а некоего иного Петра, который двадцать веков спустя, пользуясь широчайшими научными познаниями в области геологии, палеонтологии, биологии, антропологии и философии, раскрыл бы людям смысл существования жизни на Земле, а также доказал их неуклонное стремление к слиянию воедино? Словом, не предвидел ли Христос появления в далеком будущем Петра Тейяра де Шардена?

Ω

Иоанн выделяется среди других евангелистов тем, что главное внимание обращает на связь Христа с Творцом.

Он ни словом не упоминает о родословной Христа или его чудесном рождении с помощью святого духа. Для Иоанна плоть Христа ничем не отличается от плоти кого бы то ни было.

С первых же торжественных слов своего повествования Иоанн устанавливает не только связь, но и духовное единство между Христом и «Началом всех Начал».

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков...» (Иоанн 1, 1 — 4)

Иначе говоря, прежде чем был создан мир, существовало Слово, то есть замысел, выражение мысли, устремленной к созданию жизни. Эта творящая мысль, освещающая мир, продолжает Иоанн, воплотилась в исключительно одаренном умом и сердцем человеке — Иисусе Христе.

Пришедши к своим, он был ими отвергнут. Зато «всем тем, которые приняли его... он дал власть быть чадами Божиими» (Иоанн 1, 12), рождающимися не от плоти, а от завладевшей ими мысли, идеала, желания служить людям. Так поясняет Иоанн.

Его Евангелие отличается от сказаний Матфея, Марка и Луки тем, как настойчиво повторяет Иоанн слова Христа о его духовном происхождении от «Отца», о постоянной с ним связи, о его зависи-

мости от сего Начала всех Начал и, наконец, о том, что, «изойдя от Отца», он к нему возвращается, сливаясь с ним воедино.

Больше того: установив такое тождество между собой и «Отцом», Христос торжественно предсказывает слияние, опять-таки воедино, рода людского с силами, творящими Вселенную.

Прощаясь со своими учениками и поручая их «Отцу», Христос произносит слова, превосходящие все, что написали о нем евангелисты:

«Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...» (Иоанн 17, 20 — 21)

В главах, посвященных прощальной трапезе Христа со своими учениками, Иоанн много раз возвращается к заверениям Христа о грядущем слиянии Человека с духовными силами, создавшими и создающими Вселенную. Об этом завете Христа никогда и нигде не заикаются наши учителя закона божия. Такое основное откровение не устраивает ни их, ни создавшего их религию Павла. Павла, установившего пропасть между Человеком и Создателем.

Общение «рабов божиих» с Господом-Богом наши священнослужители ограничили подобострастным и трепетным молением, посещением церковных служб, а также соблюдением выдуманных ими обрядов и традиций.

Чтение верующими Святого Писания не поощряется. Они должны довольствоваться отрывками, тщательно выбранными для них и прочитанными во время богослужения священником. Эти выдержки обычно служат темой душеспасительных проповедей.

Воодушевленный беззаветной привязанностью к своему учителю, Иоанн дарит нам полные жизни картины быта своих современников. Так, в четвертой главе он с особым художественным чутьем рассказывает о Христе, беседующем у колодца с самарянкой. Одновременно рисуется быт жителей пустыни, столь зависящий от добычи воды. Эта животворящая вода служит Христу в его наиболее поэтических аллегориях.

Зато камней в Палестине сколько угодно. Они повсюду, и служат не только для постройки, но также и для убийства тех, кто не придерживается их Закона. Иоанн многократно возвращается к тому, как фарисеи и священнослужители берутся за камни в намерении убить ими ненавистного Христа. Но он «проходил среди них» и удалялся.

Великолепен рассказ Иоанна о женщине, уличенной в прелюбодеянии.

«Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, склонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле» (Иоанн 8, 3 — 8).

Фарисеи пытались обвинить Христа в нарушении их закона. Отвечая им, Христос обычно указывал на беззаконие своих оппонентов.

Случалось, что, идя на риск, он открыто восставал против сказанного в древних книгах, служивших также и сводом гражданских законов. «В вашем законе сказано так, а я говорю вам...» Видя в этих буквоедах паразитов, живущих за счет народного суеверия, злейших врагов просвещения и прогресса, Христос не щадил их, осуждая самым резким образом.

«Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плеча людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председаниях в синагогах, и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!» А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос. Бóльший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами

не входите и хотящих войти не допускаете. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение» (Матфей 23, 1 — 14).

Далее сказано:

«Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: «если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков»; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну? Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле» (Матфей 23, 24 — 35).

Так бичевал Христос ненавистных законников и священнослужителей.

Спустя многие века у Христа появился во Франции последователь — Фелисите Ламенне.

Ламенне (1782 — 1854), увлекшись в ранней молодости учением Христа, принял сан священника. Но вскоре, убедившись в заблуждениях католицизма и в пагубном вреде, наносимом его служителями, принялся критиковать их как с паперти, так и в газетных статьях. Его отлучение от Церкви не заставило себя ждать, но оно, развязав ему руки, позволило высказать свое мнение в книгах, отличающихся редким красноречием и убедительностью. Его обширный труд, увы, мало-

известен из-за особой способности Ватикана предавать забвению теперешних пророков.

Не желая оставлять о себе иного памятника, кроме того, что он написал, Ламенне завещал похоронить себя с бродягами в братской могиле. Его портрет, исполненный Шеффером, находится в Лувре.

Приведем здесь его комментарии к 23-й главе Евангелия от Матфея.

«Иисус, столь исполненный снисходительности и благодушия, Иисус, который говорит: «Учитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем», Иисус, которого не отталкивала никакая немощь или слабость человеческая, который с божественной нежностью и как бы с сочувственным предпочтением призывает к себе грешников — бедных души больных, дабы исцелить их бальзамом своего слова, Иисус беспрестанно возмущался книжниками и фарисеями, никогда не пытался приблизить их к себе и не находил для них ничего, кроме угроз и речей, полных гнева и отвращения.

Почему это? Он поясняет сам: «Не читаете ли вы на челе их слово «лицемеры»? Доктора закона, они извращают закон, превратив его в мертвую букву, в бесплодные обряды и уничтожив по сути его смысл. Прикрывая священным покровом свои разнужданные страсти, свое вожделение, честолюбие и хищность, они отвлекают людей от прямого пути. Ум их, расставшись с истиной и благом, помрачается — в этом их первая кара. Они теряют свет и скрывают его от других. Их погасшая совесть перестает освещать их; они погружаются в свои заблуждения, спокойно утверждаясь все дальше в обмане и злодеянии.

Вот почему ничто не способно возбудить в них жизнь, задушенную ими в зародыше. «Мертвые кости» — так их называет Иисус. Этой породе, которая убивает пророков, избивает и распинает во имя Бога посланников Божиих, он предвещает уготованное им осуждение, восклицая: «Горе вам!», — ибо близится день, когда они ответят за пролитую кровь праведников.

Происшедшее в Иерусалиме во времена Христа должно было повторяться в мире. В нем всегда находятся книжники и фарисеи, лицемеры, слепые вожди обма-

нутых народов, гонителей тех, кого Отец Небесный посылает, чтобы основать свое царство.

Однако, когда они достигнут границ преступности, когда зло, исходящее от них, дойдет до последнего предела, угрожая самой будущности человеческой семьи, то голос прозвучит: «Горе вам!» — и вихрь гнева сметет их с Земли».*

«В начале было Слово...» С какой же изумительной силой духа пользовался этим словом забытый людьми Ламенне!

Ω

Евангелисты сообщают столь скудные сведения об Иуде Искариоте, сыгравшем важную роль в убийении Христа, что нам только и остается допустить некоторые предположения об этом несчастном «апостоле».

Как сказано в Писании, Христос сам выбирал себе учеников, а не они его. Следовательно, можно заключить, что при своем даре проникать в сердца людей Христос знал всю подлость души Иуды. Писание гласит, что Христос предвидел все, что должно было с ним произойти, и покорно ожидал своей участи.

Принимая Иуду в число своих учеников, он не мог не сознавать, какую роль тот сыграет в его жизни.

«Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искариот, который хотел предать Его, сказал: для чего бы не продать миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали» (Иоанн 12, 4 — 6).

Иуда не мог оставаться глухим ко всему, чему учил Христос, но его учение, по-видимому, не проникало в сердце Искариота, поглощенное стремлением к материальному обогащению. Евангелисты пишут, что он обкрадывал своих же друзей. И это вряд ли ускользало от всеведущего Христа.

Легко представить, с какой досадой Иуда наблюдал за растущей популярностью Христа. Его расчетливость подсказывала, какую выгоду Христос мог бы извлечь благодаря своему дару чудотворных исцелений. При виде огромных толп народа, шедших навстречу Христу, устилавших ветвями его путь и

*Lamennais F. Les Evangiles. Traduction nouvelle avec des notes, et des reflexions à la fin de chaque chapitre. Paris, 1846, p. 91 — 92.

восхвалявших его песнопениями, Иуде стало ясно, что в тот момент Христу ничего не стоило, возглавив восстание, полчить власть и стать Царем Иудейским. Но Иуда также знал, что Христос избрал себе иной путь.

И вот он, не в силах дольше сдерживать разгоравшуюся в нем злобу, идет к священнослужителям и предает им своего учителя.

«Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса; Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему» (Иоанн 13, 21 — 28).

Однако, когда все свершилось, ужас сотворенного овладевает Иудой. Надо думать, что некое благотворное семя, брошенное Христом в мутную, но и отчаянную душу Иуды, внезапно ожило и заглушило скопившуюся в нем злобу.

Раскаявшись, он возвращается в храм, швыряет священникам данные ему сребреники и прерывает ставшую невыносимой жизнь.

Предавая Христа, Иуда сознавал, против кого восстает. Но в самом безумии поступка, как и во всем том, что он сделал, видна отчаянная решительность, так мало схожая с поведением Петра, чье раскаяние при отречении от Христа выразилось лишь в пролитии слез.

Об осторожном и трусливом Петре не сказано, что он появлялся вблизи лобного места, где распинали его учителя. Из всех учеников один лишь Иоанн находился у креста.

Таковы столь разные роли, которые судьба уготовила этим трем ученикам Христа.

Повторяем: в свою решающую роль апостол Иоанн вступает лишь в наши дни, заменяя отжившего свое время Петра.

«Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того?» (Иоанн 21, 23)

ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ И РАЗВИТИЕ НАРОДОВ

Следует ли заключить, что двухтысячелетние усилия миллионов священнослужителей, среди которых многие чистосердечно отдавались своему призванию, останутся совершенно бесплодными?

Надо заметить, что нигде на свете не наблюдалось такого стремления к равенству и справедливости, как среди народов, принявших христианство.

Христианство, даже в той уродливой форме, в которой оно распространялось, рождало в некоторых странах стремление к справедливости и милосердию. А это, в свою очередь, приводило к желанию стряхнуть тиранию власть имущих. Так, например, боролись в начале нашего века первые революционеры Китая. Все они были крещеными в протестантскую веру.

Творчество русских писателей и поэтов было проникнуто христианским духом. В их изображении Христос выступал защитником бедноты. Он как бы принадлежал русскому фольклору. Достоевский утверждал, что русский народ — народ-богоносец.

Как французские философы XVIII века, проповедовавшие свободу, равенство и братство (хоть они и отрицали христианство), возбуждали революцию 1789 года, так и наши писатели XIX века готовили своих соотечественников к грядущим сдвигам.

Курьезно некое исключительное явление во французском католичестве: несколько лет назад среди духовенства выделились так называемые священники-рабочие (*prêtres ouvriers*). То были священники, не носившие особых знаков и специальной одежды, но разделившие труд и условия жизни рабочего

люда. Они рассчитывали своим примером принести больше пользы распространению христианства, чем религиозными обрядами.

Их движение всполошило блюстителей установленных раз и навсегда многовековых правил католической Церкви. Больше всего Ватикан был озабочен вступлением многих священников-рабочих в ряды французской коммунистической партии. Испытывая на себе тяготы жизни трудящихся, они втягивались в социальную борьбу.

Рим угрожал им не только лишением сана, но и отлучением от Церкви. В результате некоторые из них подчинились, другие сами по себе отошли от религии. Ватикан же добился своего: об этих непокорных сынах католического мира больше ничего не пишется и не говорится. Их движение забыто. Пресса, как правая, так и левая, опасаясь Рима, ни словом о них не вспоминает.

Подобные «обращения» — явления крайне редкие. Как видно, Христос не ошибался, говоря, что «новое вино не следует вливать в мехи ветхие»; и людям, ушедшим в религию, практически невозможно высвободиться из паутины, опутавшей их с молодости. Христос добавляет, что «вино новое» (понимай: его подлинное учение) «надо лить в мехи новые». Видимо, поэтому Тейяр де Шарден говорил, что ему легче общаться с неверующими, чем с верующими.

Когда же люди, подобно священникам-рабочим переключаются из католицизма в коммунизм, то духовные власти не жалеют средств на противодействие этому.

Наша православная Церковь также не отличалась терпимостью к тем, кто ее критиковал. Как известно, Лев Толстой был отлучен от Церкви и предан анафеме. По всей вероятности, такая резкая мера была принята не без согласия трона. Критикуя религию, Толстой постоянно задевал как социальный строй страны, так и ее правительство. В порочности власти он прежде всего видел измену заветам Христа. Его призывы к смене порядка общественной жизни основывались на непригодности-морали, присвоенной православием и монархией.

За последние годы во французском католицизме можно наблюдать движение, по характеру противоположное тому, что пытались провести в жизнь священники-рабочие. Кардинал Лефевр, восставая против недавних новшеств Ватикана*, запретил богослужения на французском языке, требуя возвращения к многовековой латыни.

*Приказ Ватикана заменить латынь национальными языками при исполнении богослужений.

Невзирая на неоднократные угрозы папы, Лефевр, кроме того, продолжал посвящать в сан епископов и священников, сторонников его «старой» веры. Кончилось тем, что как он сам, так и его последователи были отлучены от Церкви. Однако число этих «традиционалистов» продолжает расти. Они устраивают процессии и демонстрации, привлекая к себе прихожан. К ним присоединяются самые реакционные слои населения, позволяющие себе выходы фашистского толка, вроде поджога в зале, где показывался не понравившийся им фильм о жизни Христа.

Эти «староверы» по сути представляют собой квинтэссенцию самого католицизма, поэтому и Ватикан, враг всякого прогресса, относится к ним довольно спокойно, лишь делая сердитую мину. Уж они-то никак не рискнут перейти в компартию. О том, что они были отлучены, опять-таки забыто.

И все же даже в странах, где христианство понято примитивно, происходит какое-то движение. А это значит, что настает пора для его перевоплощения в то, чему действительно учил Христос и что передает нам евангелист Иоанн:

«Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того?» (Иоанн 21, 23)

Подобно бесформенной куколке, которая по велению развивающейся природы перевоплощается в красавицу бабочку, «лубочное» христианство прошедших веков, христианство Петра и Павла, должно сойти со сцены, уступив наконец место подлинному учению Христа.

О ТВОРЦЕ И О ЕГО ТВОРЕНИИ — ЧЕЛОВЕКЕ

Достичь совершенства Человек может лишь путем, указанным величайшим из людей — Христом.

«Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Иоанн 14, 6).

Учение Христа раскрывает людям тайну их развивающегося стремления к взаимному сближению, которое приведет их к слиянию в нечто единое и неделимое. Такое духовное слияние, учит Христос, приведет людей Земли к объединению с силами, творящими Вселенную. «Да будет все едино». В этом — основное откровение Христа, по сей день отброшенное ареопагом служителей всех вариантов так называемой христианской религии.

«Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Матфей 21, 42).

Пытающихся постигнуть и распространить сказанное Христом о процессе «обоготворения» рода человеческого отлучают от Церкви или, как Тейяра де Шардена, принуждают к ссылке. В былые времена их уничтожали, сжигая на кострах, а еще раньше — забивали камнями.

Помимо таких пророков, как Исаия и, конечно, Христос, у Тейяра де Шардена был еще предшественник — уже упомянутый Ф. Ламенне.

Трудно найти более убедительный текст о стремлении Человека «со-единиться» с Творцом, чем размышления Ламенне

по поводу 17-й главы Иоанна, главы, в которой евангелист особенно настаивает на слиянии воедино.

«Никогда из уст человека не исходило что-либо более важное, чем слова Христа, обращенные перед смертью к Отцу... В этом обращении содержится и главный смысл всего его учения, его окончательное призвание, должно завершиться всеобщим Объединением. Надо, чтобы люди соединились в Одно. Как Отец и посланный им Христос — Одно, так и братья Христа (по духу), посылаемые в мир, дабы продолжать его миссию, должны быть едины. Все, что разделяет, что препятствует или замедляет объединение, — не от Христа... Братья же Христа распознаются благодаря их любви друг к другу. Ибо любовь объединяет, она — закон Единения и завершения в Боге прогрессирующего человечества. Любовь — основа всех законов, она — наивысший закон».

Чтобы привлечь особое внимание к таким словам, как «единый», «один», «единение», Ламенне пишет их с большой буквы.

И на такое важнейшее откровение Христа наше духовенство закрывает глаза!

Ω

Непросто дать вкратце исчерпывающее определение того, чем был Христос для рода человеческого. Объять его можно, лишь вникая в совокупность им сказанного.

Повторим, как говорит он о себе:

«Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Иоанн 14, 6).

Когда, забывая о себе и о «своих», человек посвящает себя служению всем, в нем происходит перелом. Он перерождается или, как гласит Евангелие, «рождается заново».

Никодиму, спросившему Христа, как это старый человек может родиться заново, Христос отвечает:

«Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия... Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от

*Lamennais F. Les Evangiles, p. 400.

Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Иоанн 3, 3, 6 — 8).

Ω

В представлении иудеев их национальное освобождение, а также и дарование им наивысшей духовной мудрости должны сопутствовать появлению среди них столетиями ожидаемого Мессии. Этот сверхпророк должен был произойти от семени царя Давида и родиться в том же селении, что и он. Его явление должно было затмить своим блеском все величие фараонов и владык Ассирии.

Христос же бродил, как нищий, гонимый из селений и преследуемый духовенством. Неудивительно, что евангелистам приходилось то и дело искать подтверждения его миссии в древних предсказаниях.

Да и сами евангелисты находились в плену старых, укоренившихся убеждений, внушенных древними писаниями и свято охраняемых блюстителями религии. В результате в их повествованиях наблюдается постоянное колебание между новаторским учением Христа и неприкосновенными требованиями Закона и Пророков, передававшимися из поколения в поколение, подобно велениям всевышнего Бога.

Не только ученые фарисеи и священнослужители восставали против Христа, державшего вносить изменения в их сокровенные верования, — его новшества пугали и народные массы, вызывая их недоверие.

Христу приходилось считаться с укоренившимися убеждениями своих соотечественников. Он был вынужден временами «добавлять воды в вино», как говорят французы. Так, например, он как бы нехотя ответил на просьбу своих учеников научить их молиться. Многие совершал он, повторяя, что творит сие из-за их неверия. Вынужденный с особой осторожностью «вливать вино новое в мехи ветхие», Христос наставлял своих учеников:

*«Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»
(Матфей 10, 16).*

Нам, людям конца XX века, нетрудно выделить из всего сказанного Христом самую суть его новаторского учения. Замет-

но также и приписанное Христу его хроникерами-евангелистами на основании их собственных убеждений.

По этому поводу вспоминается эпизод из моего прошлого. Я когда-то заведовал отделом в одной администрации и обратился к ее директору, прося его росчерком пера значительно упростить некоторые устаревшие процедуры. Прочтя мой рапорт, начальник высказал свое полное согласие с моей критикой и с моими предложениями, но заявил, что существующая система основана на заблуждениях, но эти заблуждения освящены их многолетним употреблением и поэтому он не решится их изменить.

Не только в древности и не одни лишь книжники и фарисеи свято относились к тому, «что написано». Сегодняшние толкователи Писания с таким же трепетом чтут явно отжившие понятия исключительно из-за их многовекового употребления. Как и в прошлом, «новое вино» их пугает.

ДУХОВНАЯ МИГРАЦИЯ

Обычно читающим четыре Евангелия удается усвоить их общий тон и кое-что из сказанного либо самим Христом, либо евангелистами о нем. Припоминаются общеизвестные изречения. Но множество непонятого и маловероятного в этих сказаниях никак не располагает к увлекательному чтению. Чаще всего, осилив страницу-две, читатель откладывает Евангелие до следующего раза. Попадают также и тексты, кажущиеся совсем несерьезными. Таковыми выглядят рассказы о нечистых духах, изгоняемых Христом, о том, как эти духи кричат, сотрясая одержимого. Таким же странным кажется их переселение из человека в стадо свиней. Для читателя, более искушенного в учении Христа, эти эпизоды указывают, хоть и весьма туманно, на существование мира духов и на его отношение к нам, ныне живущим на нашей планете.

Не лстя себя надеждой разъяснить творящееся вне видимого нами мира, попытаемся, задавая самим себе вопросы, проникнуть хоть самым гипотетическим образом в «потустороннее».

В предыдущих главах говорилось о влиянии на жизнь людей двух противоположных духовных сил — положительного и отрицательного свойства. Это влечет за собой постоянную борьбу Добра со Злом. Борьба эта тем сложна, что участвующие в ней то становятся сторонниками прогрессивных устремлений Жизни, то им препятствуют. Говоря языком евангелистов, сердце становится «жилищем» или «сосудом», содержащим тот или иной дух. Такое духовное владычество может

распространиться и на жителей целой страны. Оно, однако, может также быть отнято у них и передано другим народам.

Борьба за прогресс жизни и против него, доходя до максимального напряжения, вызывает резкие переломы — революции. Они разражаются там, где царит особенное насилие и отсутствует справедливость.

«Ибо, где будет труп, там соберутся орлы» (Матфей 24, 28).

На следующих страницах мы попытаемся выдвинуть гипотезы, прося читателей отнести к ним именно как к гипотезам и не судить нас со строгостью, с какой в прошлом судили еретиков. Отлучать нас от какой-либо христианской Церкви нет надобности, мы и так себя от нее отлучили, признавая лишь то, чему достоверно учил Христос.

Первая гипотеза

Иногда кажется, что Создатель, сотворивший свой шедевр — человека, наделив его способностью совершенствоваться, взял да и поручил руководство всей сотворенной им Жизнью некоему сатане, установившему закон: убивать, дабы жить.

Почему, спрашивается, так поступил Господь Бог? А не для того ли, чтобы освободить от бесовского владычества какую-нибудь другую, созревшую для полного блаженства планету? Кто знает, не для того ли, чтобы проиллюстрировать возможность такого духовного переселения из более прогрессивного существа — человека — в свиней, Христос освободил бесноватого от обитавших в нем нечистых духов? Наше предположение находит подтверждение и в притче о хозяине (аллегорически изображающем Творца), насадившем виноградник, окружившем его стеной и поручившем этот виноградник никуда не годным виноградарям (Матфей 21, 33; Марк 12, 1).

Однако, предоставив свое детище силам зла, Создатель рассчитал, что со временем природой будет создано ее оптимальное творение — Человек. От животных его будет отличать постоянное желание улучшить свои жизненные условия. Всеведущий Творец знал, что, удаляясь от своих четвероногих предшественников, Человек станет стремиться к гармоничной жизни с себе подобными и тем самым освобождаться от владычества над ним силы зла.

Он знал, что рано или поздно та же природа выдвинет из массы людей духовных вождей — пророков, философов, писателей, которые укажут путь истины, отрывая своих современников от чисто «практического» образа жизни и направляя их к служению всеобщему братству.

Потребуются века, покуда их голос услышат многие и посеянный ими знак превратится в желанное растение. Об этом пророчествовал Христос, говоря:

«Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветках его» (Матфей 13, 31).

Вполне возможно, наше предположение о том, что все живое на Земле было со дня его создания поручено Творцом силам зла, не выдерживает критики, ибо до появления Человека зло как таковое вообще вряд ли существовало на нашей планете.

Вторая гипотеза

У так называемых примитивных народов, мало удалившихся в развитии от своих пещерных предков, можно наблюдать простосердечие, отсутствие хитрости, лицемерия и стяжательства. Они более щедры и менее боязливы, чем их цивилизованные собратья.

Из этого можно заключить, что «нечистому» предоставлена возможность вмешиваться в дела людей и портить их как только он может лишь до появления у них сознательности и совести.

Нам заметят, что примитивный человек потому и отличается честностью и благородством души, что не был подвержен фальши наших наставников духовных. Впрочем, это соображение лишь подтверждает нашу гипотезу, ибо наставники сии и есть главные представители зла среди людей.

По мере своего развития прогрессирующий Человек оказывает растущее сопротивление силам зла, удерживающим его в полуживотном состоянии.

«Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (Иоанн 9, 41).

Судя по этим словам, «безжалостные» поступки примитивных людей не отражаются на их духовном состоянии.

«...ибо не знают, что делают» (Лука 23, 34).

Они не судимы и не осуждены, так как их судья — совесть — еще не существует.

Можно также заключить, что покуда они «не имеют на себе греха», то и «источник зла», наводящий человека на грех, не принимает участия в их поступках и чувствах.

«Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн 8, 44).

«Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Иоанн 8, 34).

И поскольку «отец грешников — диавол», то мы склонны отдать предпочтение нашей второй гипотезе.

Ω

Вспомним человека, одержимого бесами, имя которым «легион». Бесы эти просили Христа «не повелеть им идти в бездну» (Лука 8, 30 — 31).

Евангелие гласит о том, что Христос располагал возможностью лишать этих духов всякого пристанища.

Обезоруживать зло дано всякому. Об этом шла речь в главе о прощении нанесенной нам обиды, ущерба. Не поддаваясь чувству злобы, не позволяя злу «войти в нас», мы тем самым лишаем его всякой опоры, «повелевая ему идти в бездну».

Напомним читателю, что все сказанное в этой главе — лишь предположения, отчасти противоречащие одно другому. Мы надеемся, что эти размышления смогут побудить исследователей будущего не только углубиться в сказания древности, но и считаться со всем тем, что недавно открыла наука о человеческом мышлении.

Крайне важно всякому понаблюдать за тем, как люди влияют друг на друга и как это взаимовлияние изменяет их психологию, их духовное развитие.

Особо стоит обратить внимание на изменение характера, а за ним и всей деятельности человека вследствие потери близкого себе по духу друга. В этом случае духовное переселение

совершенно бесспорно. То главное, что составляло душевные особенности ушедшего, а с ним и преследуемые им цели, переносится к оставшемуся среди живых его «наследнику»^{*}.

Как всегда, о наиболее важном из сказанного Христом мы читаем у Иоанна. В его 16-й главе говорится о преемственности духа Христа теми, кто ему последует:

«Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам... Когда же придет... Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам» (Иоанн 16, 7, 13 — 14).

Переселение бесов из одержимого в стадо свиней можно объяснить следующим образом. Будь эти бесы посланы не в свиней, а в жителей тех мест, не отличавшихся какими-либо особыми душевными свойствами, то силы зла лишь увеличили бы их лицемерие и приносимый ими вред. Невинные же животные, не ведающие зла, предпочли умереть, лишь бы не воспринять всю эту бесовскую силу.

«Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежде не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы, и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: «легион», потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло» (Лука 8, 27 — 34).

Этот многозначительный эпизод почти дословно одинаково описан Матфеем (8, 28) и Марком (5, 1).

^{*}В заключении моей биографии, опубликованной под названием «Соль земли», упоминаются подобные явления. Мне довелось быть их свидетелем и участником.

Нечто подобное происходит с человеком щедрого сердца, внезапно попавшим под влияние отрицательной личности, которая по духу сильнее своей жертвы. Если контакт длителен и если наш «праведник» не заражается силами зла, то сама жизнь становится ему невыносима. Такие душевные бури в чистом и беспорочном сердце можно сравнить с вспышками жара в заболевшем организме, жара, вызванного сопротивлением возникшей бактерии.

Обратное наблюдается с людьми, не одаренными особыми душевными потребностями, когда судьба сводит их с теми, кто активно борется со злом. Тогда происходит нечто иное: обыватель как бы выпитывает в себя недостатки души борца за всеобщее благополучие, тем самым позволяя ему «очищаться» и вышатаваться духовно. Так он обогащается за счет своих ближних.

«Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Матфей 25, 29).

Говоря о влиянии на нас той или иной духовной силы, не следует упускать из виду свободную волю, которой природа одарила Человека. Благодаря ей нам дан выбор содействовать либо добру, то есть прогрессу Жизни, либо злу, препятствующему этому совершенствованию.

Матфей (11, 12) и Лука (16, 16) пишут:

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его».

В Послании апостола Якова можно прочесть:

«Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас; приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные» (4, 7 — 8).

Ω

У евангелистов говорится как об ангелах света, так и об ангелах диавола (Матфей 25, 41).

В своей 4-й главе Лука пишет о том, как, удалившись в пустыню, Христос подвергся попыткам диавола подчинить его себе. Убедившись в тщетности своих искушений, диавол «отшел от Него до времени» (4, 13).

Что это значит? Каким иным искушениям подвергался Христос на своем жизненном пути?

«Искушения в пустыне» — одна из легенд, выдуманных Лукой. Стоит, однако, обратить внимание на фразу:

«И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее» (4, 6).

Как видно, мысль о первоначальном владычестве сил зла над Человеком существовала и в те давние времена.

Весьма значителен эпизод исцеления женщины, годами страдавшей кровотечением (Матфей 9, 20; Марк 5, 25). Она верила, что достаточно ей дотронуться до одежды Христа, чтобы выздороветь. Прикоснувшись, она почувствовала исцеление от своего недуга; Христос же, обернувшись, искал среди теснившей его толпы ту, которая с такой верой коснулась его, ибо он ощутил потерю в себе духовной силы.

«...ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни. В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?» (Марк 5, 28—30)

Здесь, несомненно, пример духовного перемещения:

«В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила...» (Марк 5, 30)

Лука пишет:

«И весь народ искал прикасаться к Нему, потому что от Него исходила сила и исцеляла всех» (6, 19).

Ω

«Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие» (Матфей 12, 28).

Не значат ли эти слова, что Человек, удаляясь от животного мира, приближается к стадии превосходства духовного над материальным, к тому идеальному состоянию, на достижение которого нам указывает Христос?

«Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Матфей 15, 13).

Не есть ли это прямое указание на неизбежное торжество Добра над Злом и на искоренение всего того, что препятствует этому процессу?

«Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Матфей 9, 37 — 38).

Итак, если великий урожай близок, то и время на удаление всех препятствий не за горами.

«В начале было Слово...». Так и нам следует заключить, что Слово будет единственным орудием, благодаря которому добро восторжествует над злом.

Христос учит нас следовать его примеру, изгоняя в первую очередь тех бесов, которые поселились в нашем собственном сердце. Преуспеть мы сможем лишь с помощью духа справедливости. Не зря он говорил о сучке в глазу брата (Лука 6, 41).

Хочется допустить еще одну гипотезу: что если «количество» положительного духа, отпущенного на нашу планету, — ограничено? Тогда этим животворящим духом отдельная личность или целый народ могут одариться лишь за счет обеднения их соседей.

Повторяем: размышляя о неведомом нам мире, мы как бы нащупываем его и допускаем всевозможные предположения.

Ω

Фарисеи пытались опорочить Христа, уверяя, что он изгоняет бесов с помощью «князя мира сего». На что Христос возразил:

«И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его?» (Матфей 12, 26)

Это утверждение очень важно: в нем говорится о власти одного рода духов над другими и указывается на неизбежное уничтожение всего того, что «разделилось само с собою».

Христос говорил, что не устоит «город или дом, разделившийся сам в себе» (Матфей 12, 25).

Невольно вспоминается утверждение Тейяра де Шардена о главном назначении всего живого: соединении меньших единиц в большие.

В устах Христа все то, что устремлено к слиянию, — «живет», то же, что противится этому объединению, — «мертво». Христос многократно прибегает к этому сопоставлению, обвиняя книжников и фарисеев, иными словами — наше духовенство, в «мертвечине» (Матфей 23).

О слиянии рода человеческого в нечто единое в своих последних главах многократно повторяет евангелист Иоанн.

«Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Иоанн 10, 16).

«ДА БУДЕТ ВСЕ ЕДИНО»

Нам кажется рискованным пускаться в какие-либо пояснения того весьма туманного, что сказано евангелистами о будущей, загробной жизни, ожидающей как праведников, так и грешников. Само понятие о райском блаженстве и о мучениях ада плохо вяжется с учением Христа, удаляя людей от его вполне понятных заветов.

Бесцельно проживших свою жизнь Христос сравнивает с сорной травой, сжигаемой в печи. Иначе говоря — выброшенной вон как ни к чему не пригодное (Матфей 13, 30). Можно предположить, что, умирая, они перестают существовать, никак не участвуя в будущем рода человеческого. Они — ничто.

Те же, кто, активно принося вред, препятствует прогрессу жизни, будут, гласит Евангелие, искоренены (Матфей 7, 18 — 19).

Все иные рассуждения о «потустороннем» обычно направляют людей в дебри салонного спиритизма, опять-таки уводя их от полезной деятельности.

Однако, как было уже отмечено, мы позволяем себе верить в некое духовное переселение в нашу душу всего того, что было свойственно ушедшему из жизни другу. Мы делаемся его приемниками, наследниками его «я».

Ω

От верящих тому, чему он учил, Христос ожидал безоговорочного и полного восприятия его заветов.

Отметим: мы избегаем бессмысленного выражения «верящий в Христа». Нам кажется, что верить можно лишь ему, то

есть верить в справедливость, в правильный смысл его учения, но никак не в него, не в Бога. Можно верить или не верить в его существование — и только.

Решившихся следовать за ним Христос увещевает не оборачиваться назад, забыть о прошлой жизни.

«А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов... Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими. Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лука 9, 59 — 62).

Христос хотел послужить примером всем тем, кто, избрав его путь, последует за ним; тем, кто возьмет бремя его на себя.

«Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец Мой» (Иоанн 12, 26).

Христос многократно повторяет, что любящий кого-либо или что-либо больше, нежели его заветы, не достоин ни самого его, ни его учения (Лука 14, 33). Кто не собирает, тот расточает. Кто не с ним — против него (Лука 11, 23).

Заповеди Христа не гибки и не уступчивы. В них звучит призыв к той мировой революции, за которой последует жизнь, названная им «царством небесным», то есть жизнь, основанная исключительно на взаимных дружеских чувствах людей.

В 25-й главе Матфей пишет о хозяине, который, уезжая, поручил трем своим рабам разные суммы денег, с тем чтобы они их вложили в дело. Двое так и поступили, увеличив порученные им деньги, третий же поленился и ничего не предпринял, закопав хозяйские деньги в землю. По возвращении хозяин награждает первых двоих, говоря: «В малом ты был верен, над многим тебя поставлю». У третьего же хозяин отбирает то, что он ему поручил, и передает усердным рабам. В заключение евангелист цитирует знакомые нам слова Христа о тех, кто имеют и у кого приумножится, в то время как у тех, кто не имеют, отнимется и то малое, что они имеют.

Матфей приходит к тому же заключению в притче о зерне, падшем на добрую почву (13, 12).

Ту же мысль Лука передает по-своему:

«Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь» (8, 18).

Христос нередко называет людей своими братьями:

«И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Матфей 25, 40).

Эти слова, как и все его учение, подтверждают, что для Христа нет резкого разграничения между Богом и Человеком. Один есть продолжение другого, как сын продолжает отца.

Ω

Поскольку Христос всячески подчеркивает свою принадлежность к роду человеческому, повторяя, что его духовное совершенство доступно каждому, возникает вопрос: был ли Христос, как и все люди, подвержен соблазнам?

Когда кто-то в толпе назвал его «учителем благим», Христос возразил:

«Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (Марк 10, 18).

В то же время он говорил:

«Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно» (Иоанн 8, 29).

Евангелисты пишут о Христе, падающем духом, выходящем из терпения и противящемся искушениям. Таковы испытания большинства людей, особенно тех, кто стремится к совершенству. Можно допустить, что чем больше Христос прилагал усилий к достижению этой цели, тем больше он сам обогащался духом этого Совершенства.

«Господин его сказал ему: «хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Матфей 25, 21).

В 19-й главе Матфей цитирует слова Христа, на которых следует остановиться:

«И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие. Услышавши это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус воззрев сказал им: человеку это невозможно, Богу же все возможно» (Матфей 19, 24 — 26).

Что же это значит? Можно подумать, что один Бог в состоянии войти в «Царство небесное»! Такое заключение бессмысленно, если не понять, что хотел выразить Христос, говоря о духе самого Создателя, живущем в сердцах людей, которые настолько приблизятся к источнику Жизни, что все для них делается возможным.

Вспоминая слова Псалма: «Вы Боги и Сыны Всевышнего», Христос мог сказать: «Человекам это невозможно, но не Богам», ибо при приближении к Создателю возможности людей будут расти беспредельно.

Человек, проникнувшийся подобным духом, перестает стремиться к материальному обогащению. Он переходит из «мира земного» к миру власти духа над материей и все силы отдает служению этому миру. Пользуясь, как обычно, образной речью, Христос называл «воскрешением» такое перерождение человека.

О стремящихся возвыситься духовно сторонники «практической», материальной, жизни говорят с насмешкой, что они «не от мира сего».

«Я передал им слово Твое, и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира» (Иоанн 17, 14).

«Истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Иоанн 8, 58).

«Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой: и увидел и возрадовался» (Иоанн 8, 56).

Эти слова лишь подтверждают сказанное раньше: нет резкого разделения между Творящей силой и Христом, так же как и между Христом и всеми теми, кто следует его учению и примеру.

Иначе выражаясь: Человек, Христос и Бог суть три ступени развития самой природы, всего живого.

Люди подвержены двум противоположным силам: одна побуждает их следовать примеру Христа, другая — подчиняться требованиям плоти и всего того, что с ней связано. Эти два

противоположных стремления, направляя человека то в одну, то в другую сторону, можно изобразить при помощи гиперболы с ее двумя перпендикулярными асимптотами*.

Вообразим, что вертикальная асимптота служит показателем наших положительных заслуг, растущим от пересечения асимптот, чтобы достигнуть совершенства в бесконечности. А горизонтальная асимптота — показатель всего отрицательного, ведущего к «духовной смерти», как называл Христос состояние души противников своего учения.

Мы можем допустить, что совокупность этих двух противоположных стремлений (как у отдельного человека, так и у коллектива людей) соответствует какой-то точке на нашей гиперболы и отражается на измерениях ординат. Когда человек (или целая нация) обогащается духовно, точка эта передвигается вверх по нашей кривой. Одновременно человек (или нация) теряет часть своего отрицательного значения. «Очищаясь», он освобождается от части их отрицательной зависимости.

Так, отделяясь от того, к чему нас клонит наше «животное» прошлое, возвышаясь духовно, мы притягиваем к себе то, что Христос называл «духом святым», иными словами, тот самый дух, который сотворил и продолжает творить миры.

К сожалению, далеко не все люди (и народы) следуют такому духовному оздоровлению. Скользя вниз по нашей гиперболы, подвергаясь силам зла, они делают пристанищем всего отрицательного. Пристанищем того, от чего отделяются те, кто стремится к совершенству.

*Напомним читателю о конических сечениях: гипербола приближается к своим асимптотам, никогда их не достигая, иначе как в бесконечности. Асимптоты также называются касательными гиперболы в бесконечности.

По этому поводу весьма ясно сказано в Послании апостола Якова, брата Иоанна:

«Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: «до ревности любит дух, живущий в нас»! Но тем большую дает благодать; посему и сказано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас; приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные» (Иаков 4, 5 — 8).

Выражение апостола «двоедушные» всецело соответствует нашему изображению духовной жизни людей. Само перемещение «точки» по «кривой жизни» ясно описано в указанном тексте одного из «сыновей Грома», как Христос однажды назвал братьев Иоанна и Якова.

Что же касается Христа, то нам он представляется постоянно восходящим по этой гиперболе. Он смог так высоко возвыситься, что его зависимость от сил отрицательных свелась к бесконечно малому.

Вот это его восхождение нам и хочется назвать вознесением, а не то, что описал Марк в заключение своего Евангелия:

«И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога» (Марк 16, 19).

Ω

Можно предположить, что духовное врачевание рано или поздно перейдет в область медицины и доктора будущего смогут пользоваться рациональными методами для освобождения духовно больных от их недугов. Недаром в России психических больных называют душевнобольными.

«Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получите, даром давайте» (Матфей 10, 8).

Христос не раз пользовался выражением «мертвые воскреснут в последний день». Он этим предсказывал, что настанет день, когда его Слово будет услышано и делается достоянием даже тех, кто доселе был к нему глух.

«И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий. Не дивитесь сему: ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гро-

бах, услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в — воскресение осуждения» (Иоанн 5, 27 — 29).

«Я — глас вопиющего в пустыне» — так определял себя предтеча Христа Иоанн Креститель, предсказывая пришествие того, кто рано или поздно будет услышан всеми.

«Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец мой — виноградарь; всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедовал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Иоанн 15, 1 — 6).

Мы, люди, суть ветви, питающиеся от главной лозы виноградной — от Христа. Если ветвь отделяется от лозы, она засыхает и уже не годна для Жизни. И наоборот, если ветвь живет, она приносит много плода. Ее разветвления питаются, в свою очередь, от лозы.

Иоанн пишет:

«Разве ты не веришь, что Я в Отце, и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце, и Отец во мне, а если не так, то верьте Мне по самым делам. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит; потому что Я к Отцу Моему иду» (14, 10 — 12).

Дальше мы читаем:

«В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (14, 20).

Нет сомнения, все эти торжественные изречения указывают на единство Христа с Создателем, а также и на растущее единение Человека с духовными силами, сотворившими Вселенную.

Мы не впервые возвращаемся к этим основным увещаниям Христа. На них зиждется вся прогрессирующая и стремя-

щаяся к Совершенству Жизнь, ведущая людей к слиянию воедино.

«Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...» (Иоанн 17, 21)

Природа наградила сверхчеловека Христа таким ясновидением, что, опережая ученых XX века, он был в состоянии предсказывать прогрессирующее «обоготворение» рода человеческого. Имея это в виду, он неоднократно называет себя Сыном Человеческим, предвидя в будущем появление таких же, как и он, «Сынов Человеческих». Называя себя так, он подчеркивал свое нормальное человеческое происхождение. Возможно, он знал, что последователи книжников и фарисеев не преминут создать из него идола — «Сына Божия».

Оно и случилось: наше духовенство редко называет Христа Сыном Человеческим, заставляя видеть в нем некое второе божество, которому следует молиться, не пытаясь вникнуть в сказанное им. Они настаивают на нашей вере в «Господа-нашего-Иисуса-Христа-сына-божия-искупившего-грехи-мира-пролитием-своей-крови». На пытливые вопросы они обычно отвечают, что «это вопросы веры», а не результат какого-либо анализа святого Писания.

Однако их увещевания не могут помешать растущему желанию наших современников, отбросив мистификации, разобраться в сущности вещей.

Христос не должен быть предлогом туманных и фальшивых выдумок. Не он ли восклицал:

«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Лука 8, 17).

Следует отметить, что Христос применяет выражение «Сын Человеческий» не только к самому себе, но также и к людям будущего:

«...будут прощены сынам человеческим все грехи...» (Марк 3, 28)

«...чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи... Народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам» (Матфей 9, 6 — 8).

Все эти примеры указывают на настойчивое нежелание Христа выделиться среди массы людской как некое совер-

шенно иное создание. Наоборот, он всячески призывает всех людей следовать за ним, уподобляться ему и продолжать его дело.

«Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лука 6, 40).

Называясь Сыном Человеческим, он не отделяет себя от сынов будущего.

«Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь» (Иоанн 5, 19 — 20).

Вот еще недвусмысленные слова Христа, обращенные к Марии-Магдалине:

«Иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и к Богу вашему» (Иоанн 20, 17).

В его устах братья — те, кто его понимают и ему следуют.

Величайший обновитель рода человеческого Христос жил и добровольно принял муки и смерть, дабы изменить взаимоотношения людей. Но перед смертью он предупреждал, что сможет передать своим последователям свой непоколебимый, революционный дух, лишь если и они будут готовы жертвовать ради прогресса Жизни не только собой, но и благополучием своих близких.

Многие обращения Христа начинаются со слов: «истинно говорю вам». Понятие об истине, как видно, дорого ему, и он его противопоставляет лжи и фальши.

«Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину; ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам» (Иоанн 16, 13).

Дух истины, дух правды должен руководить теми, кто восстает против заблуждений и намеренной лжи.

Писание гласит, что дух истины в минувшие века посещал исключительных людей Израиля, пророков, борющихся с моральным падением своих соотечественников. Древняя Греция тоже родила великих философов, писавших об истине.

Нам мало известно о мыслителях прошлого Индии, Китая и Ближнего Востока. Вне сомнения, поиски истины им не были чужды. Однако ни одно из оставленных ими учений не было, как наше, христианское, основано на альтруизме и, следовательно, не могло служить всеобщему сближению.

Вспоминается притча о двух братьях, которых отец послал работать в своем винограднике. Один сказал, что пойдет, но не пошел. Другой же отказался, но, пораздумав, пошел и сделал то, что требовалось (Матфей 21, 28 — 30).

Нам знакомы люди, зовущие себя христианами, но исполняющие волю Христа лишь на словах. Те же, кто творят его дело, обычно не имеют о нем ни малейшего понятия.

Христос — пастырь, служащий примером будущим пастырям мира. Он указывает своим последователям, как мало они должны ценить свое благополучие и даже свою жизнь, когда отдают себя служению людям.

Повторим бессмертные слова Христа:

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн 15, 13).

«Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитте Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Матфей 9, 37 — 38).

Ω

Вернемся к сказанному в начале этого труда. Тейяр де Шарден, основываясь на научных наблюдениях, устанавливает ход прогрессивного изменения Жизни на нашей планете. Ее эволюционный процесс указывает на непрерывное стремление малых биологических единиц, соединяясь, формировать единицы более сложные, более комплексные и совершенные. Человек своим развитием лишь подтверждает это всеобщее стремление.

Но в природе также наблюдаются и силы, ведущие к дроблению, к распаду больших единиц на меньшие. Они противятся всему жизненному процессу, следовательно, «противоприродны». Во всеобщем продвижении вперед, в прогрессе Жизни они — явление отрицательное.

«И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как устоит царство его?» (Матфей 12, 26)

Напомним: до появления Жизни на Земле сама ее твердь подвергалась делению и дроблению на мельчайшие части-

цы. В этом, «дожизненном», периоде Тейяр де Шарден видел подтверждение обратного явления своей эволюционной теории, ибо все, что не живет, делится само в себе.

Люди, движимые оппозиционным стремлением разделения, уничтожают всякую полезную инициативу, а с нею и всеобщий успех. Всякий, заботившийся лишь о себе, обрекает коллектив на разрушение.

Христос предсказывал близящийся конец «князя мира сего». Сменяясь утверждением здравого мышления, удаляется от нас отживший свой век мир ложных догматов и верований. В этой обновленной жизни нет места ни библейскому сатане, ни его служителям, обманщикам и фальсификаторам. А также индивидуалистам, пытающимся доказать, что счастье людей основывается исключительно на приобретении благ мирских и на личном благополучии.

«Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Тогда оставляет Его диавол, — и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матфей 4, 8 — 11).

Ω

За описанием «изгнания из храма» Иоанн цитирует слова Христа:

«Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме Тела Своего. Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус» (Иоанн 2, 19 — 22).

Как видно, сказанное Христом путается в памяти его учеников с заученными изречениями древних писаний, и они, подобно Фоме, испытывают нужду в подтверждении услышанного от Христа тем, что «написано» в их Законе и сказано пророками.

Легко вообразить, с какой печалью говорил Христос о тех, кто имеют глаза, да не видят, имеют уши, да не слышат, и повторял себе в утешение, что время его еще не настало.

Ибо взоры величайшего из пророков, теряясь в видении грядущих веков, различали поверх окружавших и теснивших его толп неизбежное появление поколений, одушевленных чувством братской солидарности.

Христос не только сознавал преждевременность своего пришествия, но и убеждался в непригодности детей Израиля для морального руководства другими народами.

«Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Матфей 21, 43).

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Матфей 23, 37 — 38).

О людях и о народах, призванных служить примером остальным, Христос говорил:

«Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Иоанн 14, 23).

И «мы придем к нему и обитель сотворим» в сердцах тех, кто движим революционным призывом Христа. Их сердца станут обителью всего драгоценного, переданного им людям.

Говоря о храме, о местах святых или о горе, на которой все народы будут поклоняться Отцу, как Христос, так и пророки имели в виду тех благословенных людей или народы, которые поведут за собой всех иных по пути, указанному Христом.

«Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми» (Матфей 5, 14 — 16).

Христос так говорил о будущих избранных людях и народах:

«Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал...» (Иоанн 15, 16)

Обращаясь к Отцу, Христос восклицал:

«Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои» (Иоанн 17, 9).

Эти слова относятся не только к его непосредственным двенадцати ученикам:

«Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их» (Иоанн 17, 20).

Вот как величайший из избранников божиих, Христос, говорил, избирая себе последователей из рыбаков моря Галилейского:

«Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним» (Матфей 4, 19—20).

Христос предупреждает тех, кого он избирает послужить духовными вождями, о тяжести их служения людям:

«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матфей 20, 25 — 28).

В католической и протестантской Библии сказано не «отдать душу свою», а «жизнь свою». Это уж наши переводчики перестарались.

Таково предсказание социальных переворотов, когда «первыми» будут не властители, порабащившие своих подвластных, а люди скромные, уступчивые и услужливые.

«Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Матфей 19, 30).

«Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матфей 18, 20).

Ω

«Во имя Мое» — во имя того, что воплощал Христос, во имя прогресса Жизни, во имя повышения духовного уровня людей.

И когда «двое или трое» сходятся, чтобы, обмениваясь мнениями, обсуждать развитие Жизни и все то, что ведет ее вперед по пути к совершенству, то дух Христа неизменно восстает среди них и ими руководит. Эти «двое или трое» составляют ядро, способное разрастись. Оно служит заковской, благодаря которой может подняться все тесто (Матфей 13, 33).

Это уже не «глас вопиющего в пустыне» среди глухих и слепых масс людских, а зачаток развития Слова. Это — желанный коллектив революционеров будущего.

«Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец мой» (Иоанн 12, 26).

Всякое такое ядро — основа стремлений Человека к объединению.

Иоанн ярко выражает эту мысль, приписывая ее первосвященнику:

«Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Иоанн 11, 51 — 52).

Подобно Христу, учившему людей протягивать друг другу руку помощи, разбросанные человеческие единицы, группируясь, составляют коллективы борцов за правое дело. Вопреки всем возможным возражениям жизнь коллектива заменяет эгоистическое превосходство индивидуума.

«Чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино...» (Иоанн 11, 51—52)

«Да будет все едино...» (Иоанн 17, 21)

Итак, дабы это желанное объединение могло осуществляться, нужны не только люди-пастыри, нужны целые народы, желающие исполнять эту ведущую роль.

Как уже отмечено, призвание народа-вождя было отнято Христом у его соотечественников. Будет ли оно когда-либо им возвращено? Никому пока неизвестно.

«Итак по плодам их узнаете их» (Матфей 7, 20).

«Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Матфей 21, 43).

Дух стремления к истине, ведущий к сближению людей, веет как ветер, куда захочет.

Итак, «царство Божие» может быть отнято у одних и передано другим. Наши же отцы святые видят в этих двух словах некое потустороннее блаженство на небесах, ожидающее праведников, а не избранный народ, ведущий людей из мрака к свету.

Стремление к социальной справедливости, без которой не может быть гармонии в коллективной жизни, охватывает все большие слои населения Земли. То там, то здесь восстают пророки наших дней. Это историки, философы, социологи, писатели.

В прошлом веке, движимые тем же требованием справедливого распределения благ земных, немцы Маркс и Энгельс предложили революционерам всех стран программу, делавшую ставку на рабочий класс: овладев властью, он должен был осуществить желанную справедливость. Но поскольку нет пророка в своем отечестве, то и посеянные ими теории не нашли почву на своей земле. Они были восприняты русскими и применены к жизни в искаженной форме, что привело, как известно, к результатам, во многом противоположным тем, что проповедовали основатели этих теорий. Невзирая на неудачу эксперимента в России, идея всеобщего братства распространяется по земному шару.

Христос вещал о своем вторичном явлении, но уже не в виде одинокого пророка.

«Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Матфей 24, 27).

Ни угроза ядерного уничтожения, ни соблазны роскошной жизни не в силах остановить продвижения свободной мысли. Могут ли агенты зла привлечь нас жизнью, в которой наиболее хитрые и безнравственные люди способны достигать наибольшего успеха?

Благодаря растущему просвещению и оздоровлению народных масс количество врагов Жизни идет на убыль. Чужая близость конца своего владычества, они грозят атомным апокалипсисом.

Однако апокалипсис не состоится, ибо невозможно вообразить, чтобы силы, которые в течение миллиарда лет беспрепятственно творили, совершенствуя свое создание — Жизнь, допустили бы ее бессмысленное уничтожение, не доведя ее до намеченной цели: самосовершенства.

Вот как представлялось будущее оптимисту Исаие, которого Христос любил цитировать:

«И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча» (Исаия 2, 4).

В поисках выхода для страждущего человечества из порабитившей его тьмы противники всякого мракобесия основывали свои теории на сближении и братском сотрудничестве трудящихся масс. В наш XX век, опираясь на неоспоримые данные эволюционного процесса на Земле, пришел к тому же заключению Пьер Тейяр де Шарден.

Нам же остается лишь удивляться тому, что еще две тысячи лет назад, когда люди даже не имели представления о шарообразности нашей планеты, мог восстать движимый великим духом человек, предтеча всех новаторов будущего, предсказавший не только неизбежное слияние воедино всех людей, но и слияние их с силами, которые создали и их, и весь мир.

Об одном он, видимо, сожалел — что «время его еще не настало».

«Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лука 12, 49)

ВОСКРЕС ЛИ ХРИСТОС?

Большинство людей относятся скептически, а то и враждебно к любому упоминанию о явлениях, которые не объяснены современной наукой. Обобщая представления о потустороннем в определениях «мистика» или «идеализм», они всячески осмеивают тех, кто пытается проникнуть в тайны ныне мало нам известного бесплотного мира. Им следует напомнить о тупости их прадедов, не допускавших возможности для человека летать по воздуху. В наши дни потомки этих скептиков, называя себя материалистами, с апломбом отмечают всякую «мистическую ерунду», считая ее несерьезной.

Иные, ударяясь в противоположную крайность, увлекаются всевозможными волшебствами, магией, спиритизмом и... религиозными выдумками, веря в их святость и неприкосновенность. Насаждающие эти верования отличаются от иных шарлатанов лишь тем, что, запугивая свою недалекую паству или обольщая ее блаженствами загробной жизни, навязывают массам свои небылицы.

Многое сказанное в Новом Завете вполне приемлемо и не подлежит сомнению. Есть, однако, в этих «свидетельствах» немало и того, что можно без сомнений отнести к числу легенд. Таким нам представляется утверждение евангелистов о том, как убитый Иисус Христос восстал из мертвых, воскрес.

Можно ли верить этому чуду или же такое сверхъестественное явление следует отнести к числу многочисленных выдумок, воспринятых людьми как свершившийся факт?

Весьма возможно, что кто-то из мистически настроенных приближенных Христа, обнаружив исчезновение его тела из гробницы, пустил слух о его восстании из мертвых. Эта потря-

сающая весть была мгновенно подхвачена и распространена по всей Палестине.

Душевная зависимость и восхищенная привязанность к своему учителю были таковы, что его осиротевшие приверженцы не могли допустить мысли об окончательной потере его и без малейшего сомнения, с неопишуемой радостью восприняли весть о его воскрешении.

Слух о том, что он снова жив, стал неоспоримой реальностью для всех тех, кого влекло даже не столько учение Христа, в котором они плохо разбирались, сколько сила, уверенность и власть самого Иисуса.

«Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Матфей 7, 29).

Напомним, что некоторые историки утверждают, будто Христос не умер на кресте, а был вылечен от ран теми, кто унес его из гробницы.

Были ли евангелисты, создавшие годами позже свое Писание, столь же непоколебимо уверены в воскрешении из мертвых Христа? Трудно ответить на этот вопрос. Возможно, они колебались между своими сомнениями и всеобщей верой.

Все четверо описывают исчезновение тела Христа из гробницы. Так же настойчиво пишут они о том, как влиятельный вельможа Иосиф из Аримафеи получил от Пилата разрешение снять тело Христа с креста и поступать с прахом по своему усмотрению.

«После сего Иосиф из Аримафеи, ученик Иисуса, но тайный — из страха от Иудеев, просил Пилата, чтобы снять Тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял Тело Иисуса. Пришел также и Никодим, приходивший прежде к Иисусу ночью, и принес состав из смирны и алоя, литр около ста» (Иоанн 19, 38 — 39).

То же написано у Матфея (27, 57 — 60), у Марка (15, 43) и у Луки (23, 50 — 51).

Если допустить версию о выздоровлении Христа, то ею можно объяснить и его последующие тайные явления среди своих учеников. Приговоренный к казни, он, надо полагать, был вынужден прятаться даже не столько от властей, сколько от служителей храма.

Хочется обратить особое внимание на сказанное Матфеем о том, как первосвященники не без основания подозревали сподвижников Христа в намерении распространить слух о его воскрешении.

«На другой день, который следует за пятницу, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: «после трех дней воскресну»; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: «воскрес из мертвых»; и будет последний обман хуже первого» (Матфей 27, 62 — 64).

Так невольно пророчествовали первосвященники, называя слух о воскрешении Христа наихудшим обманом.

Как видно, слух о его восстании из мертвых был распространен еще до его распятия. Понятно, что человек, обнаруживший исчезновение Христа из гробницы, совершенно искренно заключил, что предсказание исполнилось, и бросился оповещать о нем своих единомышленников.

О том, как зарождались и повторялись самые невероятные слухи, можно судить хотя бы по утверждениям Матфея в той же главе:

«И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли, и, вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим» (Матфей 27, 51 — 53).

Хотелось бы знать, почему от наших верующих не требуется также верить и в восставших из гробов «святых», гулявших по городу?

Так в своем душевном увлечении евангельские повествователи то и дело, не колеблясь, удалялись от истины. Недаром, зная о склонности подвластных ему иудеев к фантастическим измышлениям, скептик Пилат задал Христу вопрос: «Что есть истина?» (Иоанн 18, 38).

Допуская в своих писаниях добрую волю обычной для тех времен фантазии, евангелисты не могли предвидеть, что их легенды будут в будущем восприняты как неоспоримые основы веры.

В последних главах, описывая распятие и воскрешение Христа, евангелисты постоянно ссылаются на древние пророчества, ища в них подтверждения своим «воспоминаниям». Читатель невольно приходит к заключению: не будучи уверенными в точности распространенных слухов, евангелисты

силились оправдать их множеством библейских предсказаний. При чтении Евангелия создается впечатление, что все сказанное и сотворенное Христом послужило евангелистам лишь подтверждением их древних писаний, а не наоборот.

Цитируя «пророчества», евангелисты иногда сопровождают их примечаниями вроде:

*«Сие же все было, да сбудутся писания пророков»
(Матфей 26, 56).*

По этому поводу следует заметить, что чем сомнительнее описанное евангелистами, тем чаще они прибегают к своему Закону и пророкам.

В пятой главе Евангелия от Матфея обращает на себя внимание кричащее противоречие. Христос якобы предупреждал своих слушателей, что не намерен отменить или изменить что-либо в их Писании. Однако непосредственно за этим заявлением Матфей на протяжении всей главы приводит наставления Христа, меняющие самым коренным образом старинные заветы. По всему видно, что евангелисты писали по вдохновению и лишь так, как им помнилось.

В сознании сынов Израиля авторитет того, «что написано», был несокрушим. На этом основании евангелисты придавали своему писанию значение божественности.

Напомним, как Христос, пользуясь, как обычно, аллегориями, сопоставлял жизнь и смерть с положительным и отрицательным состоянием души. О тех же, кто переходит от эгоистического существования к жизни ради других, он говорил, что они «рождаются заново», или вторично. Они «воскресают», переходя от смерти к жизни.

То, с какой особой тупостью его приверженцы не могли понять смысл им сказанного, многократно повторяется евангелистами. Аллегориям Христа посвящена почти вся шестая глава Иоанна о «плоти и крови». Так же говорится о недоумении «ученого» Никодима по поводу возможности человека родиться заново.

Неужели же и нам, живущим девятнадцать веков спустя, нельзя наконец понять прямой смысл всего того, что Христос имел в виду, и приложить все усилия, чтобы воскресить его? Извлечь его из той глубокой могилы, в которой служители культа погребли его и продолжают погребать и по сей день!

В этом-то и заключается главная цель нашей книги.

Альфа, перевоплощаясь, так же сливается с Омегой, как и Начало со своим завершением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует напомнить читателю, что эта книга в основном является переводом с французского той, которую я написал давно и издал в Париже еще в 1959 году. За прошедшие годы некоторые мои убеждения изменились, но мой анализ как самого учения Христа в том виде, в каком оно преподносится евангелистами, так и искажений этого учения остается по-прежнему главной целью этого труда.

И тем не менее, если бы я писал эту книгу заново, то мое отношение к анализу Нового Завета было бы не совсем таким же.

Верующие видят в текстах четырех Евангелий неоспоримую основу учения Христа. Однако чтобы полностью и беспристрастно оценить сказанное Христом, необходимо разобраться в шаткости сведений о нем и о его учении. Закрывать глаза на явные противоречия и считать достоверным все, что написано в Новом Завете, было бы в наш век столь же ошибочно, как утверждать, что Земля не шар, а нечто плоское.

Несправедлива антирелигиозная литература, основанная исключительно на том, что в Евангелии заслуживает критики. Несправедлива уже потому, что именно Евангелие, и ничто иное, содержит в себе помимо всех недостатков драгоценнейшее учение морали, когда-либо данное людям. Эту жемчужину небывалой красоты следует выделить из всего чуждого учению Христа.

В этой книге отмечалось уже и сомнительное авторство четырех Евангелий, и влияние на евангелистов ветхозаветных традиций, а также толкований Павла. Возможно, здесь не рас-

смотрено в достаточной мере все то в Евангелии, что не соответствует учению Христа. Иными словами, сам текст Евангелия не подвергается критике, и приведенные из него цитаты преподносятся как безусловно подлинные слова Христа. В этом своего рода упрощение. Оно мне казалось необходимым по следующим соображениям.

Если подойти критически, как это делают историки, к тому, на чем основывались евангелисты, если принять во внимание все влияния, которым они были подвержены, и разбираться в достоверности каждого изречения, то сам смысл сказанного Христом теряет свое значение. Именно это, видимо, и является целью некоторых исследователей: лишить учение Христа всей его силы.

Поколения за поколениями относились к этому учению как к чему-то незыблемому. И так оно и есть. Корень этого учения — в дошедших до нас бессмертных заветах, каковы бы ни были доказательства их исторической достоверности.

Можно либо ограничиться изучением того, что нам известно из четырех Евангелий (это и сделано в книге), либо, основываясь на научных открытиях историков и археологов, попытаться восстановить жизнь и учение Христа. Совместить же эти две задачи без ущерба слову Христову не представляется мне возможным. Да и приведенных евангелистами изречений Христа более чем достаточно для того, чтобы составить о его учении вполне ясное представление.

Один мой друг, прочтя мою рукопись, нашел, что я не развил более подробно свои доводы о Павле. Ему кажется, что следовало бы построить книгу на сопоставлении противоположных учений — Христа и Павла.

Но эта тема была уже многократно использована. Мне же хотелось привлечь внимание читателей к тому, как идеи Тейяра де Шардена о стремлении всего живого — и особенно человека — к всеобщему слиянию подтверждаются откровениями Христа, переданными нам Иоанном. В них говорится не только о слиянии людей воедино, но также и о прогрессе рода человеческого, ведущем его к соединению с творящим «Началом».

Приложение ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН

Весной 1943 года на обеде в французском консульстве я был представлен навестившему Шанхай послу правительства Виши Анри Косму. Узнав, что я портретист, он пригласил меня с семьей на лето в Пекин, где находилось посольство, с тем чтобы я написал его портрет, портреты его жены и дочери.

Я с радостью принял предложение, и мы немедленно отправились в «северную столицу» — Пекин.

В Пекине мы сняли типично китайский дом, расположенный вокруг дворика. В его углу росла столетняя сосна причудливой формы.

Его превосходительство позировал утром, а мадам Косм — после обеда. Я обедал с ними и с их многочисленными посетителями.

В первый же день среди десятка гостей, сидящих вокруг огромного круглого стола, я увидел иезуита Тейяра де Шардена. Он часто приходил обедать в посольство. Кроме того, я постоянно встречал его то в гостях у жителей Пекина, то на совместных загородных экскурсиях. С ним мы ездили в Летний дворец, осматривали Нефритовый фонтан и иные поразительные достопримечательности окрестностей столицы Китая.

Тейяр брал с собой мешок, забрасывая его за спину. Идя по дорогам, он то и дело поднимал камень, раскалывал его на ладони молотком и либо выбрасывал, либо клал в свой мешок.

Однажды он пригласил меня в Геобиологический институт, созданный в Пекине им и его сотрудником, молодым профессором-биологом Пьером Леруа.

В первое посещение я провел у Тейяра полдня, с растущим интересом слушая о том, как развивалась Жизнь на Земле. Он говорил о прошлом нашей планеты и показывал мне гипсовые слепки черепов наших предков. Говорил он самым простым, бесхитростным языком, не пытаясь сглаживать или смягчать свои дерзкие умозаключения. Год назад, когда я слушал его доклад в Шанхае, он пользовался столь сложными научными терминами, что было не просто уловить его основную мысль. Эти предосторожности вызывались не только внимательно слушавшими японскими дипломатами, но и присутствием в зале иезуитов в черных рясах, преподавателей университета «Аврора». Среди них находилось и иерархическое начальство Тейяра, относившееся крайне критически к его теориям, считавшее их еретическими и, следовательно, опасными.

Еще задолго до войны, страшая новаторства Тейяра, Ватикан предложил ему выбор: либо отлучение от католической церкви, либо бессрочная ссылка в Китай.

Живя в Китае, он почти не надеялся на возвращение в Европу; его главной целью было добиться от Рима разрешения на публикацию своих книг. Этого разрешения он так и не получил до конца дней своих. В 1955 году, умирая в Нью-Йорке, Тейяр завещал все свои рукописные труды сестре милосердия, ухаживавшей за ним. После его смерти она издала их. Эти издания, распространенные на всех языках и во всех странах мира, принесли ей колоссальное состояние.

В сороковых годах Тейяр вел переписку с журналисткой Клод Ривьер, ведавшей в Шанхае французской радиостанцией. Судя по его письмам, Тейяр был преисполнен самых нежных чувств к этой исключительной женщине. Впоследствии, в шестьдесят восьмом году, Клод Ривьер издала в Париже воспоминания о своей дружбе с великим ученым под заглавием «В Китае с Тейяром». В конце повествования она цитирует с дюжину его писем, написанных ей из Пекина. В этих письмах постоянно звучит горечь новатора, не понятого и отвергнутого своими.

В письме от 30 мая 1943 года Тейяр пишет, как, находясь однажды в Шанхае и поселившись у иезуитов в их «Авроре», он забыл на ночном столике какие-то свои записи. Их обнаружили, и с тех пор, «подобно органам ЧК, мне не дают покоя». «Мне бы наплевать, — пишет он дальше, — на всю их назойливость и наставления, если бы с тех пор меня не лишили возможности появляться в Шанхае».

В том же письме, говоря о переменах, которые он предвидит в ближайшие времена, Тейяр пишет: «Тогда появится необходимость, — и тем хуже для богомольной братии, — в

религии, соразмерной с обновленной Землей. Я продолжаю верить, что христианство, досконально продуманное и передуманное, содержит в себе зародыш религии, которую мы ждем, — религии Прогресса!»

Недвусмысленной критикой Тейяр выразил свое полное несогласие с тем, что представляет собой христианская религия. Она, подчеркивает он, должна быть продумана и передумана. Подобные суждения часто встречаются не только в письмах Тейяра к Клод, но и в его довоенной обширной переписке с друзьями во Франции.

Слепых сторонников нерушимости догматов их веры особенно возмущало сопоставление Тейяром понятий о Творце и Творении. В одном он видел исток, начало, но в то же время и продолжение и завершение другого, называя их «альфой и омегой». Для него они были равнозначимы и неделимы. Благодаря таким взглядам его мировоззрение становилось приемлемым для многих мыслящих людей, не зашоренных и не ослепленных идолопоклонством.

Однажды он прочел мне целую лекцию о том, как появившиеся на Земле примитивные создания по прошествии миллионов лет изменялись, обогащаясь добавочными органами, конечностями, позволяющими им вести более независимое существование.

До появления жизни на Земле, говорил он, неорганическая материя земной коры подвергалась постоянному крошению. Под влиянием дождей, мороза, ветров и морских волн скалы дробились в камни, камни — в песок и пыль, оседавшую на дно морей, рек, болот и озер. Там-то и возникли первые проявления органической жизни на нашей планете.

Прогрессируя и видоизменяясь, живые существа переходили во все более совершенные биологические группы благодаря размножению и развитию составляющих их организмов и появлению у них более сложных физиологических систем.

Развитие жизни на земле вызывает соединение единиц меньшей сложности в единицы более «комплексные». В этом процессе — основа эволюции всего живого. Такой закон агломерации противоположен вечному уделу материи неорганической, подверженной постоянному дроблению.

Затем Тейяр обратил мое внимание на рост черепной коробки у новопоявившихся творений, указывающий на их церебральное развитие. Мыслящий орган постепенно увеличивался в размерах. Так, череп наших предков, живших всего лишь триста тысяч лет назад, был на полпути развития между нашим теперешним и черепом гориллы.

Таким образом, к появлению агломерации и «комплексификации», к стремлению объединения добавляется развитие мозга — церебрализация всего живого, особенно человека.

Жизнь на Земле прервалась, если бы эти изменения прекратились. Но она неуклонно продолжает видоизменяться. Этому процессу миллиард лет, он не может ни приостановиться, ни значительно изменить направление.

«Каково же будущее Человека? Изменится ли его физический облик? — вопрошал Тейяр. — Об этом рано судить, но следует не терять из виду то, что наши предки, не так давно выйдя из пещер, фундаментально изменили свой быт». Благодаря разуму человек стремится к улучшению образа жизни, обогащаясь новыми орудиями производства и подчиняя природу своим нуждам. Такого стремления к совершенствованию не наблюдается у животных, довольствующихся своим уделом. Подобно самой природе, человек постоянно стремится улучшить то, что было создано его предшественниками. Кроме того, нельзя не видеть стремления людей последних тысячелетий к объединению в постоянно растущие группировки. Племена сливаются в княжества и царства, а те — в империи. Появляются разные политические и религиозные течения, связывающие людей, живущих и вне пределов своих государств.

Помимо политических партий и синдикатов современный человек создает и различные группы: спортивные команды, музыкальные ансамбли, всевозможные клубы и т. д. Во всех этих группах человек-индивидуум утрачивает свое значение перед созданным им коллективом.

Тейяр неоднократно настаивал на значении слова «ипион» — «объединение», «союз». В нем он видел не только формулу процессов эволюции живого, но и неперемное условие обретения растущим человечеством гармонического сосуществования.

Тейяр утверждал, что стремление к объединению совершенно необратимо.

Недавние попытки некоторых правительств заставить всех своих граждан жить исключительно ради блага своего отечества привели к уродливым формам истерического культа нации, обычно направленного либо в ущерб соседям, либо против составной части своего же народа. Нам хорошо памятна трагические последствия такого стремления одних возвысить себя над другими. В крахе подобных попыток Тейяр усматривал «мучительные роды» грядущего всепланетного стремления людей к уничтожению разделяющих их границ и к слиянию в одну неразделимую человеческую общину.

«Процесс объединения людей, — говорил он, — будет рожден всеобщим осознанием его необходимости. Такова, казалось бы, роль религий, в особенности нашей, христианской. Однако в ее теперешнем виде она совершенно не пригодна для этой высшей роли».

Так посвящал он меня в мир своих размышлений полвека назад. Не берусь утверждать, что мне с абсолютной точностью запомнились все его мысли, но таково было их направление. Его влияние на меня оказалось значительно более глубоким впоследствии, чем в те военные годы.

В Париже в двадцатых годах, до ссылки в Китай, Тейяр читал лекции по геологии. В течение же долгих лет, проведенных в Пекине, он сотрудничал с разделившим его ссылку выдающимся биологом Пьером Леруа.

Обширные знания в разных областях науки помогли Тейяру не только сделать выводы о предшествующем развитии Жизни на Земле, но и предвидеть ее эволюцию в будущем.

По моей просьбе Тейяр позировал для портрета — сперва углем, а в другой раз, для большей точности этюда, — карандашом.

За посольским столом контраст между Тейяром и иными высокопоставленными лицами был разителен. Тейяр не мог не чувствовать пропасти, разделяющей его и невежественных карьеристов, но, как мне помнится, он не изменял ровному дружественному отношению к окружающим, несмотря на снисходительно-иронический тон самодовольных вельмож.

В Шанхай я вернулся с изрядным запасом этюдов. Самое же драгоценное, что я увез с собой из Пекина, — воспоминание о человеке, далеком от наших суетных забот и тревог тех дней, далеком от того трагического, что творилось в мире, но предвидевшем в скором будущем утверждение всеобщего братства людей Земли.

В своей книге «В Китае с Тейяром» Клод Ривьер передает разговор с Тейяром при выходе из зала конференции в Шанхае. Ее тревожили критические реплики местного духовенства. Тейяр же успокаивал ее, отшучиваясь: «Между ними и мной разница лишь в измерении эволюции. Мы пользуемся разными часами: мои уходят вперед, а их — отстают».

В своей книге Клод Ривьер упоминает ближайшего друга Тейяра, тогда еще молодого профессора — биолога Пьера Леруа. Тейяра тоже звали Пьером, и, чтобы отличить одного от другого, писательница называет Тейяра Петром Первым, а Леруа — Петром Вторым.

Много лет спустя я разыскал в Париже состарившегося Леруа, и мы стали близкими друзьями. Он продолжал активно

разрабатывать мысли друга молодости, скончавшегося в Нью-Йорке в 1955 году.

Издавая свои труды, Леруа сталкивался с влиятельным сопротивлением католического духовенства, продолжающего видеть в Тейяре де Шардене, вопреки его всемирной известности, опасного еретика. Ватикан прилагал немалые усилия, чтобы по крайней мере в Европе о Тейяре писалось и говорилось как можно меньше.

Под заглавием «Паломник Будущего» Пьер Леруа опубликовал отрывки из переписки Тейяра де Шардена с друзьями, относящейся к двадцатым — тридцатым годам. Приведенные им цитаты ярко отражают протест Тейяра, временами доходивший до грани полного разрыва с католической иерархией. Леруа раскрывает расхождение Тейяра с католическим миром в самих основах христианской религии.

Он пишет, что в 1925 году «приговор Ватикана упал, как нож гильотины. Тейяр был обязан покинуть Париж и оставить свою кафедру геологии».

«Мне дали шесть месяцев для окончания моих исследований и подготовки к возвращению в Китай к следующей Пасхе».

«Как бы мне хотелось чувствовать силу, а с ней и радость сознания того, что творишь лучшее».

«Не трус ли я (соглашатель), позволяю сломить себя, принести в жертву?...»

«Я испытываю все большую моральную и интеллектуальную неудовлетворенность нынешними формами Ордена и церкви. Порой давление на мой разум со стороны священнослужителей становится столь невыносимо тяжелым, что мною овладевает чувство протеста (бунта), — какая радость восстать против всего, что душит тебя».

«Я все яснее вижу то немногое, во что я верю. Во-первых, — и это главное — значение Мира. И во-вторых, Христос необходим, чтобы дать этому Миру содержание, сердце и образ... Мне встречалась полдюжина разных людей, для которых христианство (то, каким его преподают) превратилось либо в мертвый, ненужный груз, либо в религию, к которой никто не думает обращаться, ибо от нее нечего ожидать ответа на наши сегодняшние вопросы».

«Не только критика, но даже и приговор мало на меня действуют. Я намерен продолжать свой труд, как делал это и раньше».

«Перед Богом и (надеюсь) из любви к нему я клянусь никогда не складывать оружия... Отныне единственной целью моей жизни будет разорвать кольцо, в которое христиане — «дети Света» (горькая ирония!) — заключили Дух. Мне нечего терять, настаивая на своем до конца. Мы гибнем, потому что нет никого, кто пожертвовал бы жизнью ради Истины».

«Различие между Римом и мною в том, что наши представления о Мира не просто не совпадают, — они противоположны. Это борьба между застойным пессимизмом и живительным оптимизмом. Я прихожу к мысли, что единственный выход из моего положения — жить хотя бы временно как «свободный воин».

П. Леруа приводит отзыв Тейяра на критику священника Марешаля, чей авторитет был признан всеми:

«Такое впечатление, что мысль долго держали взаперти и она утратила всякое представление о прелести свежего воздуха».

О миссионерах в Китае:

«Они прибывают сюда с уверенностью в том, что всякая языческая вера — вредное дерево, которое необходимо вырвать с корнем. После этого они насаждают некую «искусственную религию», лишенную естественного ствола».

«Идеи интересуют меня больше, чем геология... Я чувствую все больше, что действительный смысл моей жизни — это борьба за определенную религиозную концепцию Мира... Я приехал сюда, дабы «говорить», набрав силы».

«Я никогда не смирюсь с тем, чтобы замкнуться в одной науке. Для меня научное исследование и духовные поиски сливаются воедино, как общая сила».

«Мне хотят запретить говорить, не выслушивая меня. Они хотят, чтобы я замолчал, так как меня

слишком охотно слушают те, кого они хотят держать в невежестве и послушании... Осмелюсь сказать, что, в сущности, я борюсь за спасение моей веры... Мне нужен выход, иначе я не отвечаю ни за что... Я не озлоблен, я стараюсь понять».

«Я убежден, что христианство — это действительно выход для энергий, имеющихся во Вселенной. В то же время, я уверен, что евангельское учение, сведенное к идеям искупления, смирения, не та религия, в которой мы сейчас нуждаемся... Лишь добавив к этим основам веру в ценность Мира и человека, мы сохраним связь с воскресшим Христом».

«Основа моего душевного спокойствия в том, что антихристианский кризис, через который я прошел, как будто кончился. У меня создается впечатление, что я «всплыл» над своим Орденом и над определенным представлением о христианстве».

«Со мною как будто хотят «беседовать». Я не думаю, чтобы мы могли сойтись по существу. Всякий компромисс был бы в большей или меньшей степени обманом... Трансформация моих взглядов о ценностях слишком кардинальна, чтобы я мог чистосердечно примкнуть к какому-нибудь официальному религиозному течению наших дней. Отныне я смогу быть лишь своего рода духовным авантюристом».

«По правде говоря, временами меня так далеко заносит, что я задаю себе вопрос: католик ли я еще и даже христианин ли я?»

«Я все меньше расположен смиряться с «недостатками» церкви, особенно когда эти недостатки свидетельствуют об отсутствии или ошибочности общей перспективы».

Содержание

Ю. И. Рубинский. Несколько слов об авторе . . .	3
О том, как рождалась эта книга	7
О религии	11
О вере и о бесстрашии	17
Хлеб и вино	27
О Павле	31
О щедрости, жертвенности и молитви	43
Нагорная проповедь	48
Об узах крови	54
О раскаянии и о прощении грехов	67
О трех апостолах: Петре, Иоанне и Иуде	72
Христианская религия и развитие народов	81
О творце и о его творении — человеке	84
Духовная миграция	88
«Да будет все едино»	97
Воскрес ли Христос?	113
Заключение	117
Приложение. Тейяр де Шарден	119

Клуге К.
K51 Коммунизм Христа: Анализ Нового Завета. —
М.: Искусство, 1992. — 127с.

ISBN 5-210-02209-9

Кто такой Иисус Христос? Человек высочайшей нравственной силы, пришедший в мир, дабы научить людей жить в любви и согласии и трагически непонятый и преданный ими? Сын грозного Бога, строго карающего за грехи и неверие? Соединение того и другого в одном лице?.. Вот уже два тысячелетия эти вопросы волнуют умы философов, ученых, писателей, художников, и каждый отвечает на них по-своему.

На сей раз о них рассуждает известный французский художник, русский по происхождению, строю мыслей и складу души. Анализируя Новый Завет, он стремится понять подлинного Христа и суть его учения, очистить его от всевозможных наслоений, которые на протяжении веков людям подсказывала фантазия или корысть, жажда сверхъестественного или желание облегчить жизнь.

ББК 86.37

К 0403000000 - 127
025(01) - 92 КБ-20-27-92

Клуге Константин

КОММУНИЗМ ХРИСТА
Анализ Нового Завета

Редактор *Е.С.Сабашникова*
Художник *Е.Е.Смирнов*
Художественный редактор *В. К. Завадовская*
Технический редактор *Н.Б.Маслова*
Корректор *С.В. Калужская*

ИБ № 4677 Сдано в набор 13.08.92. Подписано в печать 28.09.92.
Формат 60x88/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,76. Усл. кр.-от. 8,09. Уч.-изд. 6,27.

Тираж 10000. Изд. № 6481. Заказ № 3440

Издательство «Искусство» 103009, Москва, Собиновский пер. 3.
Отпечатано с компьютерного набора издательства «Искусство»
во 2-й типографии ВО «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6